

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева

Стихи – одна из форм существования поэзии. Наверное, архитектурно самая совершенная. Как раковина хранит шум моря, так стихи, если в них живут «творящий дух и жизни случай», хранят музыку мира. Без нее мир «безмолвен», как некогда писал Борис Асафьев.

В стихе кристаллизованы все возможности языка. Язык и выражает, и хранит, и таит. Лишь стихи способны в «нераздельности и неслиянности» объять содержательно-понятийное, интонационно-звуковое, музыкально-ритмическое, живописно-пластическое и множество других языковых начал. Только молитва и стих (песня!) способны разомкнуть внутреннюю форму слова, освободить множество смыслов, позволить прикоснуться к прапамяти и внять пророчествам. Верно, люди чаще всего внимают иллюзиям и обманам. Они, да простит Пушкин, «обманываться рады».

Стихи далеко не всегда проговариваются поэзией. В замысле и исполнении устройство их должно совпасть, пусть и не полностью, с «многосоставнос-тью», по слову Анненского, личности художника (как правило, человека не столь жизни, сколь судьбы) и текучей многосмысленностью поэтического слова. С тем, что – до слова, в – слове, за – словом и после слова.

У Цветаевой об этом просто: «Равенство дара души и глагола – вот поэт». Таким поэтом она и пребывает в бескрайности русского мира, в нашем национальном мифе, в бесконечном «часе мировых сиротств». Несчастливая и торжествующая, любимая и порицаемая, и всегда родная.

Марина Цветаева прожила почти 50 лет. Но каких лет! Как прожила! Обо всем этом нынче хорошо известно. Вот уж к кому в XX веке применимо пушкинское – «и от судеб защиты нет». А обстоятельства личной жизни! А каждодневное палачество быта, с первых лет революции и до смертного часа! И при всем том непостижимая творческая мощь, «ослепительная расточительность» и «огненная несговорчивость» (выражения Георгия Адамовича по другим поводам, но чрезвычайно точные применительно к Цветаевой).

Количественные характеристики, как правило, отношения к искусству не имеют. Но размах иной художественной стихии измеряется и подобным образом. Анна Саакянц, замечательный исследователь и биограф поэта, в одной из своих работ привела такую «статистику»: «Марина Цветаева написала: более 800 лирических стихотворений,

17 поэм,

8 пьес,

около 50 произведений в прозе,

свыше 1000 писем.

Речь идет лишь о выявленном; многое (особенно письма) обнаруживается до сих пор. Не говоря уже о ее закрытом архиве в Москве...»

Таковы труды и дни «слабой» женщины. Даже в неудавшихся вещах, а их у поэта не так мало, вибрирует чудодейственная артистичность и атлетическая изобразительность. Если же «слова и смыслы», интонация и вещей ритм; синтаксис взрыва, лавины, каменоломни – родственно и живо согласуются, то миру явлена поэзия высшего порядка.

Прокрасться...

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...

Может быть – отказом

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.
А может – лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха
На урну...
Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод..
Вот он – «Голос правды небесной против правды земной».

Цветаева жила не во времени – «Время! Я тебя миную». Она жила во временах. Ее стих несет в себе напряженную звучность, пронзительный и пронзающий лёт стрелы, пущенной воином Тамерлана через века в вечность.

Променявши на стремя –
Поминайте коня ворона!
Невозвратна как время,
Но возвратна как вы, времена
Года, с первым из встречных
Предающая дело родни,
Равнодушна как вечность,
Но пристрастна как первые дни..
Это не славолюбивые хлопоты о будущем и не надежды на посмертное признание, не своеволие одержимого художника.

Философ, историк-публицист Георгий Федотов в статье «О Парижской поэзии», которая была напечатана в Нью-Йорке в 1942 году (автор не знал о смерти Цветаевой), писал о поэте: «Для нее парижское изгнание было случайностью. Для большинства молодых поэтов она осталась чужой, как и они для нее. Странно и горестно было видеть это духовное одиночество большого поэта, хотя и понимаешь, что это не могло быть иначе. Марина Цветаева была не парижской, а московской школы. Ее место там, между Маяковским и Пастернаком. Созвучная революции, как стихийной грозе, она не могла примириться с коммунистическим рабством». С последующим утверждением Федотова – «На чужбине она нашла нищету, пустоту, одиночество» – согласиться трудно. Вернее, с абсолютностью этого утверждения. Тогда откуда же при столь мертвящей скудости, в жизненной и житейской пустыне вулканическое извержение творчества, вдохновенное и неукротимое? Для этого нужны небывалые источники. В пустыне их нет. У Цветаевой, несмотря ни на что, они были. О чем-то мы знаем, о чем-то догадываемся.

Сознавая, что «ясновидение и печаль» есть тайный опыт поэта, опыт неделимый и сокровенный, можно с большой долей вероятности предполагать, что животворящий источник ее поэзии – Россия, родина, – во всей полноте временных и пространственных измерений, красочно-пластических, звуковых, слуховых и многих других начал, «того безмерно сложного и таинственного, что содержит в себе географическое название страны», как некогда сказал Адамович. О том, как присутствует Россия во всем, что писала и чем жила Цветаева, говорить излишне и неуместно, ибо – очевидно. Конечно же, это – блоковская «любовь-ненависть». Поэтому для нее и царская Россия (страна матери, детства, юности, любви, семьи, поэзии, счастья); и «белая» Русь (подвиг, жертвы, героика, изгнание); и СССР, где обитают «просветители пещер», где после возвращения «в на-Марс – страну! в без-нас – страну!», «и снег не бел, и хлеб не мил», – одна вечная родина. Сложно множится и ее отношение к революции, большевикам, белому движению.

13 марта 1921 года. «Красная» Москва. Через год Цветаева покинет ее. Пора витийственного «ван-действия», песнословий «Дону», Добровольческой армии, и –

Как закон голубиный вымарывая, –
Руку судорогой не свело, –
А случилось: заморское марево
Русским заревом здесь расцвело.
Эх вы правая с левой две варежки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правою,
Встанет – всем Тамерланам на грусть!
В струпьях, в язвах, в проказе – оправдана,
Ибо есть и останется – Русь.

О вопиющих противоречиях Цветаевой, о невысказанных крайностях написано и сказано много. Энергия и сила, дарованные ей в избытке, несли в себе и неизбежную разрушительность. Словесная буря и ураган ритма порой приводили поэта к своеобразному «хлыстовству» и «шаманству». Кажется, что ее «переполненности» было тесно в литературе и жизни. По-другому и быть с ней не могло. Но на всех путях и перепутьях, в бурне самосожжения Цветаеву хранил «спасительный яд творческих противоречий», эта родовая купель художника, по Александру Блоку.

Всякий значительный поэт у одних вызывает восхищение и признательность, у других – отторжение и неприятие. Не в счет капризно-раздраженные сентенции «нарциссов чернильницы». В связи с этим очень важны суждения ее многолетних, в эмигрантскую пору, оппонентов-соперников, недругов-петербуржцев. Язвительной пристальностью и «стильной» солью оценок они донимали Цветаеву. Один из них – поэт и критик Георгий Адамович, другой – гениальный лирик нашего столетия Георгий Иванов.

Адамович и Цветаева – это долгая литературная война, с бездной взаимных претензий и выпадов; война не мелочная, вызванная глубинной чуждостью замечательных людей.

«Первый критик эмиграции», так заслуженно именовали Адамовича, был последователен и беспощаден, всегда и всюду, ко всему, что считал у Цветаевой слабым, недолжным, кокетливо-истерическим. Из его сокрушительных «мнений» можно составить небольшую антологию. Цветаева, кстати, отвечала тем же. Но вот в рецензии на сборник «После России» в июне 1928 года Адамович, изложив обычные для него и читателей соображения об «архивчерашней поэзии Цветаевой», где «стих спотыкается на каждом шагу», а «музыка исчезла», неожиданно произносит: «...Марина Цветаева истинный и даже редкий поэт... есть в каждом ее стихотворении единое цельное ощущение мира, т. е. врожденное сознание, что всё в мире – политика, любовь, религия, поэзия, история, решительно всё – составляет один клубок, на отдельные источники не разложимый. Касаясь одной какой-нибудь темы, Цветаева всегда касается всей жизни». Здесь Адамович ясно и просто назвал самое существенное у Цветаевой, «строительное» начало ее поэзии и личности «всегда касается всей жизни».

Даровитый, умный, духовно-щедрый литературный враг оказался пронзительнее многих «близких». Не случайно, что последняя запись в рабочей тетради Цветаевой, в июне 1939, накануне отъезда в Россию, – стихотворение Адамовича «Был дом, как пещера. О, дай же мне вспомнить...», с припиской М. И.: «Чужие стихи, но к-рые местами могли быть моими». Наверное, такими вот «местами»:

Был дом, как пещера. И слабые, зимние
Зеленые звезды. И снег, и покой..
Конец. Навсегда. Обрывается линия.
Поэзия, жизнь! Я прощаюсь с тобой.
Адамович прожил долгую жизнь. Он умер во Франции восьмидесятилетним патриархом. В 1972 году. Незадолго до смерти он напечатал одно из последних своих стихотворений. Называется оно «Памяти М. Ц.». Таинственная вещь:

Поговорить бы хоть теперь, Марина!
При жизни не пришлось. Теперь вас нет.
Но слышится мне голос лебединый,
Как вестник торжества и вестник бед.
Не я виной. Как много в мире боли.
Но ведь и вас я не виню ни в чем.
Все – по случайности, все – по неволе.
Как чудно жить. Как плохо мы живем.
Не лучшие стихи Адамовича, простенькие стихи. Но все искупает ровный и мягкий свет прощания и прощения.

Тяжкими были последние годы некогда баловня судьбы Георгия Иванова. А стихи писал он тогда «небесные». Несколько строк из письма Роману Гулю, из Франции в Америку (пятидесятые годы): «Насчет Цветаевой... Я не только литературно – заранее прощаю все ее выверты – люблю ее всю, но еще и «общественно» она очень мила.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Терпеть не могу ничего твердокаменного и принципиального по отношению к России. Ну, и «ошибалась». Ну, и болталась то к красным, то к белым. И получала плевки от тех, и от других. «А судьи кто?» И камни, брошенные в нее, по-моему, возвращаются автоматически, как бумеранг, во лбы тупиц – и сволочей, – которые ее осуждали. И, если когда-нибудь возможен для русских людей «гражданский мир», взаимное «пожатие руки» – нравится это кому или не нравится – пойдет это, мне кажется, приблизительно по цветаевской линии». Странное, поразительное и пронизательное признание. Его стоило привести хотя бы потому, что во многих писаниях о Цветаевой, в угоду безбрежной апологии поэта замалчивается или искажается неизбежная сложность (рядом с достоинствами провалы, срывы и тупики; с прозрениями – слепота; рядом с мощью и силой – слабость) его искусства и жизни. Как большой художник, как «душа, не знающая меры», она всё это несла в себе. Такими, всяк на свой лад, были ее «братья по песенной беде» – Маяковский, Есенин, Пастернак.

В эмиграции ей, как и многим русским изгнанникам, открылась убийственная недолжность миропорядка вообще. Европа, где «последняя труба окраины о праведности вопиет», «после России» обернулась не меньшим адом. Антибуржуазность в крови у русских художников. Цветаева не исключение. В этом она наследница наших гигантов XIX века и Александра Блока (святое для нее имя). Потому именно ей принадлежит высокая и гневная скрижаль – стихотворение «Хвала богатым». Смешны и нелепы объяснения того, что в нем выражено, цветаевским «наперекор всем и всему», неустроенностью, неотступностью бед, нищетой, скитальчеством. Если предположить невозможное – ее благополучие на чужбине – она бы осталась Цветаевой в каждом слове, каждом поступке, каждом шаге и каждом вздохе.

Всюду у Цветаевой звучит отказ от мелочного торгашества времени, тюремно-казарменных «эпох», чертовщины урбанизма («Ребенок растет на асфальте и будет жестоким как он»). С годами все сильнее мучает искушение «Творцу вернуть билет» –

Отказываюсь – быть.

В Бедламе нелюдей

Отказываюсь – жить.

С волками площадей

Отказываюсь – выть.

С акулами равнин

Отказываюсь плыть –

Вниз – по теченью спин.

Не надо мне ни дыр

Ушных, ни вещей глаз.

На твой безумный мир

Ответ один – отказ.

На заре торжества и всевластия «печатной сивухи», по слову так ценимого ею Василия Розанова, она с твердой правотой и брезгливостью отвергла в стихотворении «Читатели газет» развоплощение человека перед «информационным зеркалом», нарастающим до наших дней планетарным бедствием:

Газет – читай: клевет,

Газет – читай: растрат.

Что ни столбец – навет,

Что ни абзац – отврат...

О, с чем на Страшный суд

Предстанете: на свет!

Хвататели минут,

Читатели газет!

Кто наших сыновей

Гноит во цвете лет?

Смесители кровей

Писатели газет!

В поэзии Цветаевой присутствуют с замечательной живостью драгоценные свойства русской литературы, ее родовые черты: трагическое переплетенье «родного и вселенского», всеотзывчивость, сострадание и сорадование миру и человеку, лихое веселье и беспросветная тоска. По-пушкински, полицейски она воспела дружбу, братство, товарищество. Ее русскость сказалась во многом. Как, впрочем, и европейскость. А как у нее звучит такое наше – дорога, дорожное, станции, вокзалы, рельсы, встречи, расставанья – «провожаю дорогу железную»!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Первые книги Цветаевой появились в начале 10-х годов. Ее искусство развивалось с невероятной интенсивностью и на родине, и в эмиграции. Очаровательная домашность первых стихов, их искренность держались на сильной изобразительной воле, сдерживающей патетику духовно-душевного максимализма и воинствующего романтизма. Поэтический мир Цветаевой всегда оставался монологическим, но сложнейшим образом оркестрованным вопросительными заклинаниями, плачем и пением. При устойчивой, обуздывающей традиционности, ее поэзия восприимчива к авангардным способам лирического выражения (Белый, Хлебников, Маяковский, Пастернак).

Духовно и эстетически близкий Цветаевой выдающийся историк литературы и критик Дмитрий Святополк-Мирский, человек странно-страшной судьбы, указал на важную особенность словесного дара поэта: «...с точки зрения чисто языковой Цветаева очень русская, почти что такая же русская, как Розанов или Ремизов, но эта особо прочная связь ее с русским языком объясняется не тем, что он русский, а тем, что он язык: дарование ее напряженно словесное, лингвистическое, и пиши она, скажем, по-немецки, ее стихи были бы такими же насыщенно-немецкими, как настоящие ее стихи насыщенно-русские».

О словесно-образной манере Цветаевой, ее стиховом симфонизме превосходно, с отчетливой краткостью писал Владислав Ходасевич в 1925 году в рецензии на поэму «Молодец». В частном (сказочное, народно-песенное и литературно-книжное) он провидчески «схватил» общее: «Некоторая «заумность» лежит в природе поэзии. Слово и звук в поэзии не рабы смысла, а равноправные граждане. Беда, если одно господствует над другим. Самодержавие «идеи» приводит к плохим стихам. Взбунтовавшиеся звуки, изгоняя смысл, производят анархию, хаос – глупость.

Мысль об освобождении материала, а может быть, и увлечение Пастернаком принесли Цветаевой большую пользу: помогли ей найти, понять и усвоить те чисто звуковые и словесные знания, которые играют такую огромную роль в народной песне. <...>... сказка Цветаевой столько же хочет поведать, сколько и просто спеть, вывести голосом, «проголосить». Необходимо добавить, что удается это Цветаевой изумительно. <...> Ее словарь и богат, и цветист, и обращается она с ним мастерски». Слова Ходасевича справедливы применительно ко всей поэзии Цветаевой, поэзии насквозь музыкальной в самом простом и в сложно-модерном смыслах. В этом отношении после Блока ей нет равных.

Яркий и неповторимый язык Цветаевой поражал и поражает. Хотя оригинального писателя без оригинального языка не бывает вообще, суть не в самой оригинальности стиля, а в ее природе. «Писать надо не талантом, а прямым чувством жизни», – заметил великий Андрей Платонов. Стиль – уже следствие. Слова Платонова вполне относимы к Цветаевой. Ее мировидение, мирочувствие и породили именно «цветаевское» мировоплощение.

В 1916 году с дерзким задором она выкрикнула:

Вечной памяти не хочу
На родной земле.
Позднее, в ноябре 1920, было и такое упование:

любовь! любовь! и в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельшусь – смущусь – рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прошусь.
И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.
Нет, выпростаю руки! – Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
– Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.
И если все ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увести, –
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвести!
И ВОССТАЛА!

Владимир Смирнов

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ныне же вся родина причащается тайн своих

Марина Цветаева. Скульптура работы Н. Крандиевской. 1912 г. Раскрашенный гипс.

Осень в Тарусе
Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.
Несколько слов поневоле
Все повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.
В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.
Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне...
И улыбается осень
Нашей весне.
Жизнь распахнулась, но все же...
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!
Ока
3. «Всё у Боженьки – сердце! Для Бога...»
Всё у Боженьки – сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы...
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!
Что мне трепет архангельских крылий?
Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.
Пусть крыжовник незрелый, несладкий, –
Без конца шелухи под кустом!
Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.
Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.
4. «Бежит тропинка с бугорка...»
Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;
Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.
О, дни, где утро было рай
И полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.
Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...
Домики старой Москвы
Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,
Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Где потолки расписные,
До потолков зеркала?
Где клавишина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,
Кудри, склоненные к пядьцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!
Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.
Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.
В. Я. Брюсову
Я забыла, что сердце в вас – только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти – критика. Ранний старик,
Вы опять мне на миг
Показались великим поэтом...

1912

«Идешь, на меня похожий...»
Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет –
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!
И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!
Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.
Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.
Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.
Коктебель, 3 мая 1913
Сергей Эфрон

Марина Цветаева и Сергей Эфрон. Коктебель, 1911 г.

«Моим стихам, написанным так рано...»
Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти, –
Нечитанным стихам!
Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.
Коктебель, 13 мая 1913
«Вы, идущие мимо меня...»
Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,
И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох..
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истроченный порох!
О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале..
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –
Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.
17 мая 1913
Встреча с Пушкиным
Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устанут мои легкие ноги
Выситься над высотой.
Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.
Вижу его на дороге и в гроте..
Смуглую руку у лба..
– Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... –
Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племен..
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.
Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.
Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,
Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
Каждого встречного пса! –
Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей..
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаше аллея,
Комедиантов и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,
Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.
Эти слова: никогда и навеки,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

За колесом – колею...
Смуглые руки и синие реки,
– Ах, – Мариулу твою! –
Треск барабана – мундир властелина –
Окна дворцов и карет,
Роши в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...
Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... – Как я люблю...
Кончено... – Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.
Мы помолчали бы оба – не так ли? –
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.
И – потому что от худшей печали
Шаг – и не больше – к игре! –
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.
1 октября 1913
«Уж сколько их упало в эту бездну...»
Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдаль!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!
Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,
Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!
– К вам всем – что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.
И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,
За то, что мне – прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,
За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.
8 декабря 1913
«Быть нежной, бешеной и шумной...»
Быть нежной, бешеной и шумной,
– Так жаждать жить! –
Очаровательной и умной, –
Прелестной быть!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Нежнее всех, кто есть и были,
Не зная вины...
– О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!
Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! –
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,
Забыть, как сердце расколосось
И вновь срослось,
Забыть свои слова и голос,
И блеск волос.
Браслет из бирюзы старинной –
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...
Как, зарисовывая тучку
Издали,
За перламутровую ручку
Бралась рука,
Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.
Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!
Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.
И не раскроются – так надо
– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей –
Мой опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века.
И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.
Феодосия, Сочельник 1913
Генералам двенадцатого года
Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.
Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера –
Малютки-мальчишки, сегодня –
Офицера.
Вам все вершины были малы
И мягок – самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,
И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.
О, как – мне кажется – могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.
В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.
Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли.
Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.
Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие –
И весело переходили
В небытие.
Феодосия, 26 декабря 1913
«Ты, чьи сны еще непробудны...»
Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.
О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю – пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!
Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.
Этот тополь! Под ним уютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.
Этот мир невозвратно-чудный
Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.
<1913>
«Над Феодосией угас...»
Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.
Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.
Иду вдоль гонуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.
И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.
Феодосия, 14 февраля 1914

Але

1. «Ты будешь невинной, тонкой...»
Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.
И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала –
И всех молодых поэм.
И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног.
Все будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи.
Ты будешь, как я – бесспорно –
И лучше писать стихи...
Но будешь ли ты – кто знает –
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

2. «Да, я тебя уже ревную...»
Да, я тебя уже ревную,
Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.
Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года –
Ты так грустна.
Все куклы мира, все лошадки
Ты без раздумия отдашь –
За листик из моей тетрадки
И карандаш.
Ты с няньками в какой-то ссоре –
Все делать хочется самой.
И вдруг отчаянье, что «море
Ушло домой».
Не передашь тебя – как гордо
Я о тебе ни повествуй! –
Когда ты просишь: «Мама, морду
Мне поцелуй».
Ты знаешь, все во мне смеется,
Когда кому-нибудь опять
Никак тебя не удастся
Поцеловать.
Я – змей, похитивший царевну, –
Дракон! – Всем женихам – жених! –
О свет очей моих! – О ревность
Ночей моих!

6 июня 1914

Бабушке
Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?
Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица –
Локоны в виде спирали.
Темный, прямой и взыскательный взгляд.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, – кто Вы?
Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!
День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от Вас ли?..
4 сентября 1914

Германии
Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам,
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?
И где возьму благоразумье:
«За око – око, кровь – за кровь», –
Германия – мое безумье!
Германия – моя любовь!
Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland[1],
Где все еще по Кенигсбергу
Проходит узколиций Кант,
Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке –
Geheimrath Goethe[2] по аллее
Проходит с тросточкой в руке.
Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, – когда, –
– От песенок твоих в восторге –
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь.
Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном – Лорелей.
Москва, 1 декабря 1914

Анне Ахматовой
Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.
Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.
Вся Ваша жизнь – озноб,
И завершится – чем она?
Облачный – темен – лоб
Юного демона.
Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.
В утренний сонный час, –
Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.
11 февраля 1915

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»
Мне нравится, что Вы больны не мной,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мне нравится, что я больна не Вами,
что никогда тяжелый шар земной
не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
распущенной – и не играть словами,
и не краснеть удушливой волной,
слегка соприкоснувшись рукавами.
Мне нравится еще, что Вы при мне
спокойно обнимаете другую,
не прочтите мне в адовом огне
гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
упоминаете ни днем ни ночью – все...
что никогда в церковной тишине
не пропоют над нами: аллилуйя!
Спасибо Вам и сердцем и рукой
за то, что Вы меня – не зная сами! –
так любите: за мой ночной покой,
за редкость встреч закатными часами,
за наши не-гулянья под луной,
за солнце не у нас на головах,
за то, что Вы больны – увы! – не мной,
за то, что я больна – увы! – не Вами.

3 мая 1913

«Какой-нибудь предок мой был – скрипач...»
Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
и волосы пахнут ветром!
Не он ли, смуглый, крадет с арбы
рукой моей – абрикосы,
виновник страстной моей судьбы,
курчавый и горбоносый.
Дивясь на пахаря за сохой,
вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был, – лихой
и ласковый был любовник!
Любитель трубки, луны и бус,
и всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
был мой желтоглазый предок.
Что, душу черту продав за грош,
он в полночь не шел кладбищем!
Еще мне думается, что нож
носил он за голенищем.
Что не однажды из-за угла
он прыгал – как кошка – гибкий...
и почему-то я поняла,
что он – не играл на скрипке!
и было все ему нипочем, –
как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.

23 июня 1915

«Спят трещотки и псы соседовы...»
Спят трещотки и псы соседовы, –
ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выведывай,
для чего развожу засов.
Юный месяц идет к полуночи:
час монахов – и зорких птиц,
заговорщиков час – и юношей,
час любовников и убийц.
Здесь у каждого мысль двоякая.
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
и браслетами не звеня.
Уж с домами дома расходятся,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась
У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.
Запах розы и запах локона.
Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный, – видишь, вот она –
Отравительница! – Кармен.

5 августа 1915

«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»
Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
– Видно, пока надо мной не пропоют литию, –
Буду грешить – как грешу – как грешила:

со страстью!

Господом данными мне чувствами – всеми пятью!
Други! – Сообщники! – Вы, чьи наущения –

жгучи!

– Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, –
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!
26 сентября 1915

«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!..»
Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?
Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землю скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.
3 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!..»
Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки,
И думаю, глядя в ночь:
Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

«Никто ничего не отнял!..»
Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих верст.
Я знаю, наш дар – неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!
На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?
Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

«Ты запрокидываешь голову...»
Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!
Преследуемы оборванцами

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.
Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая тебя верста... –
Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика, –
Десятилетнего я чту.
Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...
Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!
18 февраля 1916

«Не сегодня-завтра растает снег...»
Не сегодня-завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
Пожалеть тебя, у тебя навек
Пересохли губы.
Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?
А глаза, глаза на лице твоём –
Два обугленных прошлолетних круга!
Видно, отроком в невеселый дом
Завела подруга.
Далеко – в ночи – по асфальту – трость,
Двери настезь – в ночь – под ударом ветра.
Заходи – гряди! – нежеланный гость
В мой покой пресветлый.
4 марта 1916

«За девками доглядывать, не скис...»
За девками доглядывать,
Не скис ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Всыпая в узкогорлые бутылки.
Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крестным.
Кормилица с дородным петухом
В переднике – как ночь ее повойник! –
Докладывает древним шепотком,
Что молодой – в часовенке – покойник...
И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони – что ангелы – белы,
И голуби на них – что ладан – сизы.
И странница, потягивая квас
Из чайника, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.
26 марта 1916

Стихи о Москве
1. «Облака – вокруг...»
Облака – вокруг,
Купола – вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук! –
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!
Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти –
Сороков церквей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Все привольное
Семихолмие.
Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние –
На Ваганькове.

31 марта 1916

2. «Из рук моих – нерукотворный град...»
Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.
По церковке – все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.
И Спасские – с цветами – ворота,
Где шапка православного снята.
Часовню звездную – приют от зол –
Где вытертый от поцелуев – пол.
Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.
К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.
Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,
И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,
И встанешь ты, исполнен дивных сил..
Ты не расскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3. «Мимо ночных башен...»
Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!
Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая – ох – кровь!
Мой рот разгарчив,
Даром, что свят – вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит.
Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было – как хочу.

31 марта 1916

4. «Настанет день – печальный, говорят!..»
Настанет день – печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
– Остужены чужими пятаками –
Мои глаза, подвижные как пламя.
И – двойника нащупавший двойник –
Сквозь легкое лицо проступит лик.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!
А издали – завизжу ли и вас? –
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.
На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.
По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, –
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине.

11 апреля 1916

1 –й день Пасхи

5. «Над городом, отвергнутым Петром...»

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.
Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.
Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.
Пока они гремят из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.
И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6. «Над синевую подмосковных рощ...»

Над синевую подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогою, –
Калужской – песенной – прекрасной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих Бога.
И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, –
Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь, и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

Троицын день 1916

7. «Семь холмов – как семь колоколов!..»

Семь холмов – как семь колоколов!
На семи колоколах – колокольни.
Всех счетом – сорок сороков.
Колокольное семихолмие!
В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.
И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.
Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916. Казанская

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

8. «– Москва! – Какой огромный...»

– Москва! – Какой огромный

Странноприимный дом!

Всяк на Руси – бездомный.

Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,

За голенищем нож.

Издадека-далече

Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,

На всякую болеть –

Младенец Пантелеймон

У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,

Куда народ валит, –

Там Иверское сердце

Червонное горит.

И льется аллилуйя

На смуглые поля.

Я в грудь тебя целую,

Московская земля!

8 июля 1916. Казанская

9. «Красною кистью...»

Красною кистью

Рябина зажглась.

Падали листья,

Я родилась.

Спорили сотни

Колоколов.

День был субботний:

Иоанн Богослов.

Мне и доньне

Хочется грызть

Жаркой рябины

Горькую кисть.

16 августа 1916

«Говорила мне бабка лютая...»

Говорила мне бабка лютая,

Коромыслом от злости гнутая:

– Не дремить тебе в люльке дитятка,

Не белить тебе пряжи вытканной, –

Царевать тебе – йод заборами!

Целовать тебе, внучка, – ворона.

Ровно облако побелела я:

Вынимайте рубашку белую,

Жеребка не гоните черного,

Не поите попа соборного,

Вы кладите меня под яблоней,

Без моления да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие

За совет да за милость царскую,

За карманы твои порожние

Да за песни твои острожные,

За позор пополам со смутю, –

За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол –

Сволокут меня черти волоком,

Я за чаркой, с тобою распитой,

Говорила, скажу и Господу, –

Что любила тебя, мальчоночка,

Пуще славы и пуще солнышка.

1 апреля 1916

«Веселись, душа, пей и ешь!..»

Веселись, душа, пей и ешь!

А настанет срок –

Положите меня промеж

Четырех дорог.

Там где во поле, во пустом

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!
Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко надо мной торчи,
Безымянный крест.
Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян!
Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
Вечной памяти не хочу
На родной земле.

4 апреля 1916

Стихи к Блоку

1. «Имя твое – птица в руке...»

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно единственное движенье губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубок.

15 апреля 1916

2. «Нежный призрак...»

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?
Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.
То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж третий
Вечер я чую ворога.
Голубоглазый
Меня сглазил
Снеговой певец.
Снежный лебедь
Мне под ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.
Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой – смерть.
Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,
Длинным криком,
Лебединым кликом –
Зовет.
Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Сделай милость:

Аминь, аминь, рассыпья!

Аминь.

1 мая 1916

3. «Ты проходишь на Запад Солнца...»

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.
Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою – не зарюсь!

Нерушима твоя стезя.

В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,

И руками не потянусь.

Восковому святому лику

Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,

Опущусь на колени в снег,

И во имя твое святое,

Поцелую вечерний снег. –

Там, где поступью величавой

Ты прошел в гробовой тиши,

Свете тихий – святая славы –

Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4. «Зверю – берлога...»

Зверю – берлога,

Страннику – дорога,

Мертвому – дроги.

Каждому – свое.

Женщине – лукавить,

Царю – править,

Мне – славить

Имя твое.

2 мая 1916

5. «У меня в Москве – купола горят!..»

У меня в Москве – купола горят!

У меня в Москве – колокола звонят!

И гробницы в ряд у меня стоят, –

В них царицы спят и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле

Легче дышится – чем на всей земле!

И не знаешь ты, что зарей в Кремле

Я молюсь тебе – до зари!

И проходишь ты над своей Невою

О ту пору, как над рекой–Москвой

Я стою с опущенной головой,

И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,

Всей бессонницей я тебе внемлю –

О ту пору, как по всему Кремлю

Просыпаются звонари...

Но моя река – да с твоей рекой,

Но моя рука – да с твоей рукой

Не сойдутся, Радость моя, доколь

Не догонит заря – зари.

7 мая 1916

6. «Думали – человек!..»

Думали – человек!

И умереть заставили.

Умер теперь, навек.

– Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, лицемерные.
Шли от него лучи –
Жаркие струны по снегу!
Три восковых свечи –
Солнцу-то! Светоносному!
О поглядите, как
Веки ввалились темные!
О поглядите, как
Крылья его поломаны!
Черный читает чтец,
Крестятся руки праздные...
– Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.
9 мая 1916

7. «Должно быть – за той рощей...»
Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.
– Эй, идола, чтоб вы сдохли! –
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед – охлест,
И вновь бубенцы поют.
Над валким и жалким хлебом
За жердью встает – жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.
13 мая 1916

8. «И тучи оводов вокруг равнодушных кляч...»
И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый – за синею рощей – крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.
18 мая 1916

9. «Как слабый луч сквозь черный морок адов...»
Как слабый луч сквозь черный морок адов –
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.
И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, –
Откуда-то из древних утр туманных –
Как нас любил, слепых и безымянных,
За синий плащ, за вероломства – грех...
И как нежнее, всех – ту, глубже
В ночь канувшую – на дела лихие!
И как не разлюбил тебя, Россия.
И вдоль виска – потерянным перстом
Все водит, водит... И еще о том,
Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать – и как не встанет...
Так, узником с собой наедине
(или ребенок говорит во сне?),
Предстало нам – всей площади широкой! –
Святое сердце Александра Блока.
9 мая 1920

10. «Вот он – гляди – уставший от чужбин...»
Вот он – гляди – уставший от чужбин,
Вождь без дружин.
Вот – горстью пьет из горной быстрины –
Князь без страны.
Там все ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.
Красно твое наследие, – владей,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Друг без друзей!

15 августа 1921

11. «Останешься нам иноком...»

Останешься нам иноком:

Хорошеньким, любименьким,

Требником рукописным,

Ларчиком кипарисным.

Всем – до единой – женщинам,

Им, ласточкам, нам, венчанным,

Нам, злату, тем, седидам,

Всем – до единой – сыном

Останешься, всем – первенцем,

Покинувшим, отвергнувшим,

Посохом нашим странным,

Странником нашим ранним.

Всем нам с короткой надписью

Крест на Смоленском кладбище

Искать, всем никнуть в черед,

Всем....., не верить.

Всем – сыном, всем – наследником,

Всем – первеньким, последеньким.

15 августа 1921

12. «Други его – не тревожьте его!..»

Други его – не тревожьте его!

Слуги его – не тревожьте его!

Было так ясно на лице его:

Царство мое не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил, –

Плечи сутулыегнулись от крыл,

В певчую прорезь, в запекшийся пыл –

Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!

Крылья извели право: лететь!

Губы, кричавшие слово: ответь! –

Знают, что этого нет – умереть!

Зори пьет, море пьет – в полную сыть

Бражничают. – Панихид не служить!

У навсегда повелевшего: быть! –

Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

13. «А над равниной...»

А над равниной –

Крик лебединый.

Мать, ужель не узнала сына?

Это с заоблачной – он – версты,

Это последнее – он – прости.

А над равниной –

Вещая вьюга.

Дева, ужель не узнала друга?

Рваные ризы, крыло в крови...

Это последнее он: – живи!

Над окаянной –

Взлет осиянный.

Праведник душу урвал – осанна!

Каторжник койку обрел – теплынь.

Пасынок к матери в дом. – Аминь.

Между 15 и 25 августа 1921

14. «Не проломанное ребро...»

Не проломанное ребро –

Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навyleт

Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.

Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!

Что усопшему – трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...

Проходил, одинок и глух,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Замораживая закаты
Пустотой безглазых статуй.
Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.
Между 15 и 25 августа 1921
15. «Без зова, без слова...»
Без зова, без слова, –
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, – в колыбели лежишь?
Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?
Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
в какой колыбели лежишь?
«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.
Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?
Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
в какой колыбели лежишь?
Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а терном –
Чепца острозубая тень.
Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
– И снова родиться,
чтоб снова метель замела?!
Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне наддышит,
в какой колыбели лежишь?
А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром – труды.
Как в землю положен,
Быть может, – проспишь до трубы.
Огромную впалость
Висков твоих – вижу опять.
Такую усталость –
Ее и трубой не поднять!
Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
в какой колыбели лежишь.
22 ноября 1921
16. «Как сонный, как пьяный...»
Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.
Височные ямы:
Бессонная совесть.
Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.
Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес –
Обратным ущельем Аида?

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова?

25 ноября 1921

17. «Так, Господи! и мой обол...»
Так, Господи! и мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою – своей отчизны рану.
Не скаредника ржавый ларь –
Гранит, коленами протертый.
Всем отданы герой и царь,
Всем – праведник – певец – и мертвый.
Днепром разламывая лед,
Гробовым не смущаясь тесом,
Русь – Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.
Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой – тысяча который? –
Ревнует смертная любовь.
Другая – радуется хору.

2 декабря 1921

«Много тобой пройдено...»
Много тобой пройдено
Русских дорог глухих.
Ныне же вся родина
Причащается тайн твоих.
Все мы твои причастники,
Смилуйся, допусти! –
Кровью своей причастны мы
Крестному твоему пути.
Чаша сия – полная,
– Причастимся Св<ятым> даров! –
Слезы сии солоны,
– Причастимся Св<ятым> даров! –
Тянут к тебе матери
Кровную кровь свою.
Я же – слепец на паперти –
Имя твое пою.

2 мая 1916

Ахматовой

1. «О, Муза плача, прекраснейшая из муз!..»
О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.
И мы шарахаемся и глухое: ох! –
Стотысячное – тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.
Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.
В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
– Ахматова! – и сердце свое в придачу.

19 июня 1916

2. «Охватила голову и стою...»
Охватила голову и стою,
– Что людские козни! –
Охватила голову и пою
На заре на поздней.
Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас – одна,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как луна на небе!

Что, на сердце вороном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна – милость.
Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою, как ремнем,
Мне стянула горло.
Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря,
Удаляюсь – нищей,
Что тебя, чей голос – о глубь, о мгла! –
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

22 июня 1916

6. «Не отстать тебе! Я – острожник...»
Не отстать тебе! Я – острожник,
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.
Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

8. «На базаре кричал народ...»
На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.
В темном – с цветиками – платке,
– Милости удостоиться
Ты, потупленная, в толпе
Богомолк у Сергей-Троицы,
Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.

27 июня 1916

9. «Златоустой Анне – всея Руси...»
Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.
Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.
Ты в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! – Безымянный!
Донеси любовь мою

Златоустой Анне – всея Руси!

27 июня 1916

«Белое солнце и низкие, низкие тучи...»
Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов – за белой стеною – погост.
И на песке вереница соломенных чучел
Под перекладами в человеческий рост.
И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд...
Старая баба – посыпанный крупною солью
Черный ломоть у калитки жует и жует.
Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! – и для чего стольким простреливать

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
грудь?

Поезд прошел и завыл, и завывали солдаты,
И запыхал, запыхал отступающий путь...
Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. – Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи Боже ты мой!

3 июля 1916

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»
Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою – как никто другой.
Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого что в земной ночи я вернее пса.
Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи.
Но пока тебе не скрещу на груди персты –
О проклятие! – у тебя остаешься – ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, –
Оттого что мир – твоя колыбель, и могила – мир!

15 августа 1916

Евреям

Кто не топтал тебя – и кто не плавил,
О, купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:
Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!
В любом из вас, – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке, –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.
По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

13 октября 1916

«Кабы нас с тобой да судьба свела...»
Кабы нас с тобой да судьба свела –
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох мой родный, мой природный, мой безродный

брат!

Как последний сгас на мосту фонарь –
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, – всех собой дарю!
Кабы нас с тобой да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола!
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.
Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька – бела, бела, –
Кабы нас с тобой – да судьба свела!

25 октября 1916

«Счастье или грусть...»

Счастье или грусть –
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теревить в руках,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И прослыть в веках –
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой –
Гончаровой.

Сон или смертный грех –
Быть как шелк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно – кусать губу
И потом, в гробу,
Вспоминать – Ланского.

11 ноября 1916

«Ты, мерящий меня по дням...»
Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям –
Шатался – под луной огромной?
И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?
Каким я голосом во сне
Шепчу – слышал? – О, дым и пепел! –
Что можешь знать ты обо мне,
Раз ты со мной не спал и не пил?

7 декабря 1916

«Мировое началось во мгле кочевье...»
Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле – деревья,
Это бродят золотым вином – грозди,
Это странствуют из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – вспять!
И мне хочется к тебе на грудь – спать.

14 января 1917

«А все же спорить и петь устанет...»
А все же спорить и петь устанет –
И этот рот!
А все же время меня обманет
И сон – придет.
И лягу тихо, смежу ресницы,
Смежу ресницы.
И лягу тихо, и будут сниться
Деревья и птицы.

12 апреля 1917

«Из строгого, стройного храма...»
Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
– Свобода! – Прекрасная дама
Маркизов и русских князей.
Свершается страшная спевка, –
Обедня еще впереди!
– Свобода! – Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

26 мая 1917

(Бальмонт, выслушав: – Мне не нравится – твое презрение к девке! Я – обижен за
девку! Потому что – (блаженно-заведенные глаза) – иная девка... Я: – Как жаль, что
я не могу тебе ответить: – «Как и иной солдат...»)

«Горечь! Горечь! Вечный привкус...»
Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус –
Окончательнее пасть.
Я от горечи – целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи – другую
Ночью за руку ведешь.
С хлебом ем, с водой глотаю

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.
10 июня 1917

«И в заточеньи зимних комнат...»
И в заточеньи зимних комнат
И сонного Кремля –
Я буду помнить, буду помнить
Просторные поля.
И легкий воздух деревенский,
И полдень, и покой, –
И дань моей гордыне женской
Твоей слезы мужской.
27 июля 1917

Марина и Анастасия Цветаевы. Феодосия, 1914 г.

«Мое последнее величье...»
Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!
В сухие руки ростовщицы
Снесен последний мой заклад.
Промотанному – в ночь – наследству
У Господа – особый счет.
Мой – не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь и рот.
Простимся ж коротко и просто
– Раз руки не умеют красть! –
С тобой, нелепейшая роскошь,
Роскошная нелепость! – страсть!
1 сентября 1917

«Без Бога, без хлеба, без крова...»
Без Бога, без хлеба, без крова,
– Со страстью! со звоном! со славой! –
Ведет арестант чернобровый
В Сибирь – молодую жену.
Когда-то с полуночных палуб
Взирали на Хиос и Смирну,
И мрамор столичных кофеен
Им руки в перстнях холодил.
Какие о страсти прекрасной
Велись разговоры под скрипку!
Тонуло лицо чужестранца
В египетском тонком дыму.
Под низким рассеянным небом
Вперед по сибирскому тракту
Ведет господин чужестранный
Домой – молодую жену.
3 сентября 1917

Москве
1. «Когда рыжеволосый Самозванец...»
Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил – ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? – Румянец,
Красавица? – Разумница, – где речь?
Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою –
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.
Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах – стойла.
Все вынесут кремлевские бока.
9 декабря 1917

2. «Гришка-вор тебя не ополячил...»
Гришка-вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Что же делаешь, голубка? – Плачу.

Где же спесь твоя, Москва? – Далече.

– Голубочки где твои? – Нет корму.

– Кто унес его? – Да ворон черный.

– Где кресты твои святые? – Сбиты.

– Где сыны твои, Москва? – Убиты.

10 декабря 1917

3. «Жидкий звон, постный звон...»

Жидкий звон, постный звон.

На все стороны – поклон.

Крик младенца, рев коровы.

Слово дерзкое царёво.

Плеток свист и снег в крови.

Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.

Черные глаза Стрельчихи.

10 декабря 1917

«На кортике своем: Марина...»

На кортике своем: Марина –

Ты начертал, встав за Отчизну.

Была я первой и единой

В твоей великолепной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый

В аду солдатского вагона.

Я волосы гоню по ветру,

Я в ларчике храню погоны.

Москва, 18 января 1918

«Уедешь в дальние края...»

Уедешь в дальние края,

Остынешь сердцем. – Не остыну.

Распутица – заря – румыны –

Младая спутница твоя...

Кто бросил розы на снегу?

Ах, это шкурка мандарина...

И крутятся в твоём мозгу:

Мазурка – море – смерть – Марина.

Февраль 1918

Дон

1. «Белая гвардия, путь твой высок...»

Белая гвардия, путь твой высок:

Черному дулу – грудь и висок.

Божье да белое твое дело:

Белое тело твое – в песок.

Не лебедей это в небе стая:

Белогвардейская рать святая

Белым видением тает, тает...

Старого мира – последний сон:

Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.

24 марта 1918

2. «Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет...»

Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет.

И вот потомки, вспомнив старину:

– Где были вы? – Вопрос как громом грянет,

Ответ как громом грянет: – На Дону!

– Что делали? – Да принимали муки,

Потом устали и легли на сон,

И в словаре задумчивые внуки

За словом: долг напишут слово: Дон.

30 марта 1918

№3! мои любимые.

3. «Волны и молодость – вне закона!..»

Волны и молодость – вне закона!

Тронулся Дон. – Погибаем. – Тонем.

Ветру веков доверяем снести

внукам – лихую весть:

Да! Проломилась донская глыба!

Белая гвардия – да! – погибла.

Но, покидая детей и жен,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Но, уходя на Дон,
Белую стаей летя на плаху,
Мы за одно умирали: хаты!
Перекрестясь на последний храм,
Белогвардейская рать – векам.
Москва, Благовещение 1918
дни разгрома Дона
«Трудно и чудно – верность до гроба!..»
Трудно и чудно – верность до гроба!
Царская роскошь – в век площадей!
Стойкие души, стойкие ребра, –
Где вы, о люди минувших дней?!
Рыжим татаринном рыщет вольность,
С прахом равняя алтарь и трон.
Над пепелищами – рев застольный
Беглых солдат и неверных жен.
11 апреля 1918

«Не самозванка – я пришла домой...»
Не самозванка – я пришла домой,
И не служанка – мне не надо хлеба.
Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.
Там, на земле, мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
– Возлюбленный! – Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя – Психея!
Апрель 1918

«Московский герб: герой пронзает гада...»
Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.
Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!
Верни нам вольность, Воин, им – живот.
Страж роковой Москвы – сойди с ворот!
И докажи – народу и дракону –
Что спят мужи – сражаются иконы.
9 мая 1918

«Благословляю ежедневный труд...»
Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость и Господень суд,
Благой закон – и каменный закон.
И пыльный пурпур свой, где столько дыр,
И пыльный посох свой, где все лучи...
– Еще, Господь, благословляю мир
В чужом дому – и хлеб в чужой печи.
21 мая 1918

«Как правая и левая рука...»
Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.
Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.
Но вихрь встает – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!
10 июля 1918

«Свинцовый полдень деревенский...»
Свинцовый полдень деревенский.
Гром отступающих полков.
Надменно-нежный и не женский
Блаженный голос с облаков:
– Вперед на огненные муки!
В ручьях овечьего руна
Я к небу воздеваю руки –
Как – древле – девушка одна...
Июль 1918

«Мой день беспутен и нелеп...»
Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Богатому даю на бедность,
В иголку продаваю – луч,
Грабителю вручаю – ключ,
Белилами румяню бледность.
Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,
Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья –
Над днем без славы и без толку.
27 июля 1918

«Офицер гуляет с саблей...»
Офицер гуляет с саблей,
А студент гуляет с книжкой.
Служим каждому мальчишке:
Наше дело – бабье, рабье.
Сад цветочками засажен –
Сапожищами зашибли.
Что увидели – не скажем:
Наше дело – бабье, рыбье.
9 сентября 1918

Глаза
Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зеленые – соленые –
Крестьянские глаза!
Была бы бабою простой –
Всегда б платили за постой –
Все эти же – веселые –
Зеленые глаза.
Была бы бабою простой –
От солнца б застилась рукой,
Качала бы – молчала бы,
Потупивши глаза.
Шел мимо паренек с лотком..
Спят под монашеским платком
Смиренные – степенные –
Крестьянские глаза.
Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза..
Что видели – не выдадут
Крестьянские глаза!
9 сентября 1918

«Я берег покидал туманный Альбиона...»
я берег покидал туманный Альбиона...

Батюшков.

«Я берег покидал туманный Альбиона»..
Божественная высь! – Божественная грусть!
Я вижу тусклых вод взволнованное лоно
И тусклый небосвод, знакомый наизусть.
И, прислоненного к вольнолюбивой мачте,
Укутанного в плащ – прекрасного, как сон –
я вижу юношу. – О плачьте, девы, плачьте!
Плачь, мужественность! – Плачь, туманный Альбион!
Свершилось! – Он один меж небом и водою!
Вот школа для тебя, о ненавистник школ!
И в роковую грудь, пронзенную звездой,
Царь роковых ветров врывается – Эол.
А рокот тусклых вод слагается в балладу
О том, как он погиб, звездой заклеимен..
Плачь, Юность! – Плачь, Любовь! – Плачь, Мир! –
Рыдай, Эллада!
Плачь, крошка Ада! – Плачь, туманный Альбион!
30 октября 1918

«Я счастлива жить образцово и просто...»
Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце – как маятник – как календарь.
Быть светской пустыннолицей стройного роста,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Премудрой – как всякая Божия тварь.

Знать: дух – мой сподвижник, и дух – мой

вожатый!

Входить без доклада, как луч и как взгляд.

Жить так, как пишу: образцово и сжато, –

Как Бог повелел и друзья не велят.

22 ноября 1919

Памяти А. А. Стаховича

A Dieu – mon ame,

Mon corps – à i Roy,

Mon coeur – aux Dames,

L'honneur – pour moi [3]

1. «Не от запертых на семь замков пекарен...»

Не от запертых на семь замков пекарен

И не от заледенелых печек –

Барским шагом – распрямляя плечи –

Ты сошел в могилу, русский барин!

Старый мир пылал. Судьба свершалась.

– Дворянин, дорогу – дровосеку! [4]

Чернь цвела... А вблизи тебя дышалось

Воздухом Осьмнадцатого века.

И пока, с дворцов срывая крыши,

Чернь рвалась к добыче вождельной –

Вы bon ton, maintien, tenue [5] – мальчишек

Обучали – под разгром вселенной!

Москва, март 1919

(NB! Даже труд может быть отвратителен: даже чужой! если он в любовь навязан и в славословие вменен. МЦ тогда и всегда.)

Тебе – через сто лет

К тебе, имеющему быть рожденным

Столетие спустя, как отдышу, –

Из самых недр, – как на смерть осужденный,

Своей рукой – пишу:

– Друг! Не ищи меня! Другая мода!

Меня не помнят даже старики.

– Ртом не достать! – Через летеиски воды

Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,

Пылающие мне в могилу – в ад, –

Ту видящие, что рукой не движет,

Умершую сто лет назад.

Со мной в руке – почти что горстка пыли

Мои стихи! – я вижу: на ветру

Ты ищешь дом, где родилась я – или

В котором я умру.

На встречных женщин – тех, живых, счастливых,

Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:

– Сборище самозванок! Все мертвы вы!

Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца!

Все тайны знал, весь склад ее перстней!

Грабительницы мертвых! Эти кольца

Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,

Раскаиваюсь в первый раз,

Что столько я их вкривь и вкось дарила, –

Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,

Сегодняшний, – так долго шла я вслед

Садящемуся солнцу, – и навстречу

Тебе – через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье

Моим друзьям во мглу могил:

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?! – Нет, я корыстна!
Раз не убьешь, – корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.
Сказать? – Скажу! Небытие – условность.
Ты мне сейчас – страстнейший из гостей,
И ты окажешь перлу всех любовниц
Во имя той – костей.
Август 1919

«Два дерева хотят друг к другу...»
Два дерева хотят друг к другу.
Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый.
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.
То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, – смотреть жестоко,
Как тянется – к тому, другому,
Что старше, стойче и – кто знает? –
Еще несчастнее, быть может.
Два дерева: в пылу заката
И под дождем – еще под снегом –
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.
Август 1919

С. Э.
Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилюю водят,
Сердце – имя говорит.
Эх! Прошел бы ты по дому –
Знал бы! Так в ночи пою,
Точно по чему другому –
Не по дереву – пилюю.
И чудят, чудят пилюю
Руки – вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.

Ноябрь 1919
«Высоко мое оконце!..»
Высоко мое оконце!
Не достанешь перстеньком!
На стене чердачной солнце
От окна легло крестом.
Тонкий крест оконной рамы.
Мир. – На вечны времена.
И мерещится мне: в самом
Небе я погребена!
Ноябрь 1919

Але
1. «Когда-нибудь, прелестное создание...»
Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем.
Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным – так далеко-далеко.
Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,
И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню – на руке моей рабочей –
Серебряных перстней, – чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...
Как в страшный год, возвышены Бедюю,
Ты – маленькой была, я – молодою.
2. «О бродяга, родства не помнящий...»

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О бродяга, родства не помнящий –
Юность! – Помню: метель мела,
Сердце пело. – Из нежной комнаты
я в метель тебя увела.
И твой голос в метельной мгле:
– «Остригите мне, мама, волосы!
Они тянут меня к земле!»
Ноябрь 1919

3. «Маленький домашний дух...»
Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!
Жалко мне, когда в печи
Жар, – а ты не видишь!
В дверь – звезда в моей ночи! –
Не взойдешь, не выйдешь!
Платьница твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном – сад
Расцветает – тщетно.
Голуби в окно стучат, –
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, –
Бог с ними, с ветрами!
Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным –
Чудодейственным твоим
Голосом: – Марина!
Ноябрь 1919

Марина Цветаева. С портрета работы М. Нахман. 1913 г.

«Звезда над люлькой – и звезда над гробом!..»
Звезда над люлькой – и звезда над гробом!
А посредине – голубым сугробом –
Большая жизнь. – Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..
4 января 1920,
Кунцево – Госпиталь
Психея
Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин,
Пунш – и пенковая трубка
Пышущая. Пунш – и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И – как призрак –
В полукруге арки – птицей –
Бабочкой ночной – Психея!
Шепот: «Вы еще не спите?
Я – проститься...» Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках – как пери! –
Пируэтом – привиденьем –
Выпорхнула.
Пунш-и полночь.
Вновь впорхнула: «Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза...»
Плащ накинув

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

На одно плечо – покорно –
Под руку поэт – Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... – «С Богом!»

А Психея,
К спутнице припав – слепому
Пугалу в чепце – трепещет:
Не прожег ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...
Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспадение на персидский
Палевый халат – и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...
Начало марта 1920

<Н.Н.В.>

17. «Пригвождена к позорному столбу...»

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что – невинна.
Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.
Пересмотрите все мое добро,
Скажите – или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке – лишь горстка пепла!
И это все, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это все, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

23. «Кто создан из камня, кто создан из глины...»

Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.
Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своём – непрестанно разбита!
Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.
Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!
23 мая 1920

Песенки из пьесы «Ученик»

9. «Вчера еще в глаза глядел...»
Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, –
Все жаворонки нынче – вороны!
Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»
И слезы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.
Увозят милых корабли,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»
Вчера еще – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, –
Жизнь выпала – копейкой ржавою!
Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»
Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать», – отвечают.
Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе – я сделала?
Все ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.
Само – что дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое...
– За все, за все меня прости,
Мой милый, – что тебе я сделала!
14 июня 1920

Еврейам
Так бессеребрено – так бескорыстно,
Как отрок – нежен и как воздух синь,
Приветствую тебя ныне и присно
Во веки веков. – Аминь.
Двойной вражды в крови своей поповской
И шляхетской – стираю письма.
Приветствую тебя в Кремле московском,
Чужая, чудная весна!
Кремль почерневший! Попран! – Предан! –
Продан!
Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь – со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.
И мне – в братоубийственном угаре –
Крест православный – Бога затемнял!
Но есть один – напрасно имя Гарри
На Генриха он променял!
Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, –
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!

Май 1920
«В подвалах – красные окошки...»
В подвалах – красные окошки.
Визжат несчастные гармошки, –
Как будто не было флажков,
Мешков, штыков, большевиков.
Так русский дух с подвалом сросся, –
Как будто не было и вовсе
На Красной площади – гробов,
Ни обезглавленных гербов.
.....ладонь с ладонью –
Так наша жизнь слилась с гармонью.
Как будто Интернационал
У нас и дня не гостевал.
Август 1920

Петру
Вся жизнь твоя – в едином крике
– На дедов – за сынов!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Нет, Государь Распроевелький,
Распорядитель снов,
Не на своих сынов работал, –
Бесам на торжество! –
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.
Не ты б – все по сугробам санки
Ташил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок[6].
Не ладил бы, лба не подъямля,
Ребятчих кораблев –
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.
Ты под котел кипящий этот –
Сам подложил углей!
Родоначальник – ты – Советов,
Ревнитель Ассамблей!
Родоначальник – ты – развалин,
Тобой – скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град..
Соль высолил, измылил мыльце –
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!
Но нет! Конеч твоим затеям!
У брата есть – сестра..
– На Интернационал – за терем!
За Софью – на Петра!
Август 1920

Волк
Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Поддыхает наша дружба:
я тебе не дар, а долг!
Заедай верстою версту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, –
Стосковался по тоске!
Не взвожу тебя в злодеи, –
Не твоя вина – мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!
Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить – как БОГ судил, –
К одному бабье ревниво:
Чтобы лап не остудил.
Удержать – перстом не двину:
Перст – не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!
Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура –
Верить в волчью седину.
Октябрь 1920

«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»
любовь! любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.
И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
я не умножу жалкой слободы.
Нет, выпростаю руки! – Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 – Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
 Растоплены снега и лес спален.
 И если все ж – плеча, крыла, колена
 Сжав – на погост дала себя увести, –
 То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
 Стихом восстать – иль розаном расцвести!
 Около 28 ноября 1920
 «Знаю, умру на заре! На которой из двух...»
 Знаю, умру на заре! На которой из двух,
 Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
 Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
 Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!
 Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
 С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
 Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
 Бог не пошлет по мою лебединую душу!
 Нежной рукой отведя нецелованный крест,
 В щедрое небо рванусь за последним приветом.
 Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...
 Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!
 Москва, декабрь 1920
 Большевик
 От Ильменя – до вод Каспийских
 Плеча рванулись вширь.
 Бьет по щекам твоим – российский
 Румянец-богатырь.
 Дремучие – по всей по крепкой
 Башке – встают леса.
 А руки – лес разносят в щепки,
 Лишь за топор взялся!
 Два зарева: глаза и щеки.
 – Эх, уж и кровь добра! –
 Глядите-кось, как руки в боки,
 Встал посреди двора!
 Весь мир бы разгромил – да проймы
 Жмут – не дают дыхнуть!
 Широкой добротой разбойной
 Смеясь – вверяю грудь!
 И земли чуждые пытая,
 – Ну, какова, мол, новь? –
 Смеюсь, – все ты же, Русь святая,
 Малиновая кровь!
 31 января 1921
 Роландов рог
 Как нежный шут о злом своем уродстве,
 Я повествую о своем сиротстве...
 За князем – род, за серафимом – сонм,
 За каждым – тысячи таких, как он,
 Чтоб, пошатнувшись, – на живую стену
 Упал и знал, что – тысячи на смену!
 Солдат – полком, бес – легионом горд.
 За вором – сброд, а за шутком – всё горб.
 Так, наконец, усталая держаться
 Сознанием: перст и назначением: драться,
 Под свист глупца и мещанина смех –
 Одна из всех – за всех – противу всех! –
 Стою и шлю, закаменев от взлету,
 Сей громкий зов в небесные пустоты.
 И сей пожар в груди тому залог,
 Что некий Карл тебя услышит, рог!
 Март 1921
 «Как закон голубиный вымарывая...»
 Как закон голубиный вымарывая, –
 Руку судорогой не свело, –
 А случилось: заморское марево
 Русским заревом здесь расцвело.
 Два крыла свои – эвот да эвона –
 истрепала любовь...

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что из правого-то, что из левого –
Одинакая пролита кровь...
Два крыла православного складеня –
..... промж ними двумя –
А понять ничего нам не дадено,
Голубиной любви окромя...
Эх вы правая с левой две варежки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правой,
Встанет – всем Тамерланам на грусть!
В струпьях, в язвах, в проказе – оправдана,
Ибо есть и останется – Русь.
13 марта 1921
Ученик
Сказать – задумалась о чем?

В дождь – под одним плащом,
В ночь – под одним плащом, потом
В гроб – под одним плащом.

1. «Быть мальчиком твоим светлоголовым...»
Быть мальчиком твоим светлоголовым,
– О, через все века! –
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.
Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем – плащ.
Победоноснее Царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.
Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне – не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит!
(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
И – вдохновенно улыбнувшись – первым
Взойти на твой костер.
15 апреля 1921
2. «Есть некий час – как сброшенная клажа...»
Есть некий час...

Тютчев.
Есть некий час – как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.
Высокий час, когда, сложив оружие
К ногам указанного нам – Перстом,
Мы пурпур Воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.
О, этот час, на подвиг нас – как Голос
Вздымающий из своеволья дней!
О, этот час, когда как спелый колос
Мы клонимся от тяжести своей.
И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожденное ярмо.
Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, – еще заря зажглась.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Благословен ему грядущий следом
Ты – одиночества верховный час!
15 апреля 1921

3. «Солнце Вечера – добрее...»

Солнце Вечера – добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует – не греет
Солнце в полдень.
Отрешеннее и кротче
Солнце – к ночи.
Умудренное, не хочет
Бить нам в очи.
Простотой своей – тревожа –
Королевской,
Солнце Вечера – дороже
Песнопевцу!
Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера – не кланяется
Черни.

Низвергаемый с престола
Вспомни – Феба!
Низвергаемый – не долу
Смотрит – в небо!
О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольней.
16 апреля 1921

4. «Пало прениже волн...»

Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм
Вечные – двое.
Тесно – плечо с плечом –
Встали в молчанье.
Два – под одним плащом –
Ходят дыханья.
Завтрашних спящих войн
Вождь – и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.
Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
– Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче!
Через все небо – дым
Воинств Господних.
Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.
Ревностью взор разъят,
Молити ропщет...
– Отче, возьми в закат,
В ночь свою, отче!
Празднуя ночи вход,
Дышат пустыни.
Тяжко – как спелый плод –
Падает: – Сыне!
Смолкло в своем хлеву
Стадо людское.
На золотом холму
Двое – в покое.
19 апреля 1921

5. «Был час чудотворен и полн...»

Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню – бок о бок – на холм,
Я помню – всходили...

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбывной.
Все выше, все выше – высот
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

21 апреля 1921

6. «Все великолепье...»

Все великолепье
Труб – лишь только лепет
Трав – перед Тобой.
Все великолепье
Бурь – лишь только щебет
Птиц – перед Тобой.
Все великолепье
Крыл – лишь только трепет
Век – перед Тобой.

23 апреля 1921

7. «По холмам – круглым и смуглым...»

По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – рдяным и рваным.
По пескам – жадным и ржавым,
Под лучом – жгущим и пьющим,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – следом и следом.
По волнам – лютым и вздутым,
Под лучом – гневным и древним,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – лгущим и лгущим...

25 апреля 1921

«На што мне облака и степи...»

На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь.
Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам.
Поклон тебе, град Божий, Киев!
Поклон, престольная Москва!
Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства...
Не встанет – любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп.

3 мая 1921

«Душа, не знающая меры...»

Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа – навстречу палачу,
Как бабочка на хризалиды!
Душа, не съевшая обиды,
Что больше колдунов не жгут.
Как смоляной высокий жгут
Дымящая под власяницей...
Скрежещущая еретица,
– Саванароловой сестра –
Душа, достойная костра!

10 мая 1921

Марина

1. «Быть голубкой его орлиной!..»

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть, – Мариной!
Вестовым – часовым – гонцом –
Знаменосцем – льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон.
Сальных карт захватив колоду,
Ногу в стремя! – сквозь огонь и воду!
Где верхом – где ползком – где вплавь!
Тростником – ивняком – болотом,
А где конь не берет, – там летом,
Все ветра полонивши в плащ!
Черным вихрем летя беззвучным,
Не подругою быть – сподручным!
Не единою быть – вторым!
Близнецом – двойником – крестовым
Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.
Гул кремлевских гостей незваных.
Если имя твое – Басманов,
Отстранись. – Уступи любви!
Распахнула платок нагрудный.
– Руки настезь! – Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови.

11 мая 1921

2. «Трем Самозванцам жена...»

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты – гордецу своему
Не родившая сына...
В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты, гордецу своему
Не махнувшая следом...
На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты, гордеца своего
Не покрывшая телом...
В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту.
– Ты, гордецу своему
Не отершая пота...
– Своекорыстная кровь! –
Проклята, проклята будь
Ты – Лжедмитрию смогшая
быть Лжемариной!

11 мая 1921

3. «– Сердце, измена!..»

– Сердце, измена!
– Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
К белым губам.
Краткая встряска костей о плиты.
– Гришка! – Дмитрий!
Цареубийцы! Псекровь холопья!
И – повторенным прыжком –
На копья!

11 мая 1921

4. «– Грудь Ваша благоуханна...»

– Грудь Ваша благоуханна, –
Как розмариновый ларчик...
Ясновельможна панна...
– Мой молодой господарник...
– Чем заплачу за щедроты:
Темен, негромок, непризнан...
Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: – Жизнью!
В каждом пришельце гонимом

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пану мы Иезусу – служим...
Мнет в замешательстве мнимом
Горсть неподдельных жемчужин.
Перлы рассыпались, – слезы!
Каждой ресницей нацелясь,
Смотрит, как в прахе елозя,
Их подбирает пришелец.
13 мая 1921
Разлука
Сереже

1. «Башенный бой...»

Башенный бой
Где-то в Кремле.
Где на земле,
Где –
Крепость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.
Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле –
Мой
Дом,
Мой – сон,
Мой – смех,
Мой – свет,
Узких подошв – след.
Точно рукой
Сброшенный в ночь –
Бой.
– Брошенный мой!
Май 1921

2. «Уроненные так давно...»

Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое черное окно
Пустые руки
Бросаю в полуночный бой
Часов, – домой
Хочу! – Вот так: вниз головой
– С башни! – Домой!
Не о бульжник площадной:
В шепот и шелест...
Мне некий Воин молодой
Крыло подстелет.
Май 1921

3. «Всё круче, всё круче...»

Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные – разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже –
Неотъемлем.
Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их
– Без звука! –
Как дерево-машет-рябина
В разлуку,
Во след журавлиному клину.
Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.
Я спеси не сбавлю!
Я в смерти – нарядной

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пребуду – твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора!
Июнь 1921

4. «Смуглой оливой...»

Смуглой оливой
Скрой изголовье.
Боги ревнивы
К смертной любви.
Каждый им шелест
Внятен и шорох.
Знай, не тебе лишь
Юноша дорог.
Роскошью майской
Кто-то разгневан.
Остерегайся
Зоркого неба.
Думаешь – скалы
Манят, утесы,
Думаешь, славы
Медноголосый
Зов его – в гущу,
Грудью на копья?
Вал восстающий
– Думаешь – топит?
Дольнее жало
– Верить – вонзилось?
Пуще опалы –
Царская милость!
Плачешь, что поздно
Бродит в низинах.
Не земнородных
Бойся, – незримых!
Каждый им волос
Ведом на гребне.
Тысячеоки
Боги, как древле.
Бойся не тины, –
Тверди небесной!
Ненасытимо –
Сердце Зевеса!
25 июня 1921

5. «Тихонько...»

Тихонько
Рукой осторожной и тонкой
Распутая путы:
Ручонки – и ржанью
Послушная, зашелестит амазонка
По звонким, пустым ступеням расставанья.
Топочет и ржет
В осиянном пролете
Крылатый. – В глаза – полыханье рассвета.
Ручонки, ручонки!
Напрасно зовете:
Меж ними – струистая лестница Леты.
27 июня 1921

6. «Седой – не увидишь...»

Седой – не увидишь,
Большим – не увижу.
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжмешь.
На всю твою муку,
Раззор – плач:
– Брось руку!
Оставь плащ!
В бесстрастии
Каменноокой камен,
В дверях не помедлю,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Как матери медлят:
(Всею тяжестью крови,
Колен, глаз –
В последний земной
Раз!)
Не крадущимся перешибленным зверем, –
Нет, каменной глыбою
Выйду из двери –
Из жизни. – О чем же
Слезам течь,
Раз – камень с твоих
Плеч!
Не камень! – Уже
Широтою орлиною –
Плащ! – и уже по лазурным стремнинам
В тот град осиянный,
Куда – взять
Не смеет дитя
Мать.

28 июня 1921

7. «Ростком серебряным...»

Ростком серебряным
Рванулся ввысь.
Чтоб не узрел его
Зевес –
Молись!
При первом шелесте
Страшись и стой.
Ревнивы к прелести
Они мужской.
Звериной челюсти
Страшной – их зов.
Ревниво к прелести
Гнездо богов.
Цветами, лаврами
Заманят ввысь.
Чтоб не избрал его
Зевес –
Молись!
Всё небо в грохоте
Орлиных крыл.
Всей грудью грохайся –
Чтоб не сокрыл.
В орлином грохоте
– О клюв! О кровь! –
Ягненок крохотный
Повис – Любовь...
Простоволосая,
Всей грудью – ниц...
Чтоб не вознес его
Зевес –
Молись!

29 июня 1921

8. «Я знаю, я знаю...»

Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная,
Прелестная чаша –
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,
Повисшие в зорях.
Я знаю, я знаю,
Кто чаше – хозяин!
Но легкую ногу вперед – башней
В орлиную высь!
И крылом – чашу

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
От грозных и розовых уст –
Бога!

30 июня 1921

<9> «Твои..... черты...»

Твои..... черты,
Запечатленные Кануном;
я буду стариться, а ты
Останешься таким же юным.
Твои.....черты,
Обточенные ветром знойным.
я буду горбиться, а ты
Останешься таким же стройным.
Волос полуденная тень,
Склоненная к моим сединам..
Ровесник мой год в год, день в день,
Мне постепенно станешь сыном..
Нам вместе было тридцать шесть,
Прелестная мы были пара..
И – радугой – благая весть:
..... – не буду старой!

Троицын день 1921

<10> «Последняя прелесть...»

Последняя прелесть,
Последняя тяжесть:
Ребенок, у ног моих
Бьющий в ладоши.
Но с этой последнею
Прелестью – справлюсь,
И эту последнюю тяжесть я –
Сброшу.
Всей женскою лестью
Язвя вдохновенной,
Как будто не отрок
У ног, а любовник –
О шестивях –
Вдоль изумленной Вселенной
Под ливнем лавровым,
Под ливнем дубовым.
Последняя прелесть,
Последняя тяжесть –
Ребенок, за плащ ухватившийся.. – В муке
Рожденный! – Когда-нибудь людям расскажешь,
что не было равной –
В искусстве Разлуки!

19 июля 1921

«Два зарева! – нет, зеркала!..»

М. А. Кузмину

Два зарева! – нет, зеркала!
Нет, два недуга!
Два серафических жерла,
Два черных круга
Обугленных – из льда зеркал,
С плит тротуарных,
Через тысячеверстья зал
Дымят – полярных.
Ужасные! – Пламень и мрак!
Две черных ямы.
Бессонные мальчишки – так –
в больницах: Мама!
Страх и укор, ах и аминь..
Взмах величавый..
Над каменностию простынь –
Две черных славы.
Так знайте же, что реки – вспять,
что камни – помнят!
что уж опять они, опять
в лучах огромных

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Встанут – два солнца, два жерла,
– Нет, два алмаза! –
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

2 июля 1921

Вестнику
Скрежещут якорные звенья,
Вперед, крылатое жильё!
Покрепче, чем благословенье,
С тобой – веление мое!
Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше нежели фортуны –
Ты сердце Цезаря везешь!
Смирит лазоревую ярость
Ресниц моих – единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!
Обветренные руки стиснув,
Слежу. – Не верь глазам! – Все ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.
Два слова, звонкие как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой – тысяча который? –
К единственному одному.
В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож,
– Между рубахою и грудью –
Ты сердце Матери везешь.

3 июля 1921

«Прямо в эфир...»
Прямо в эфир
Рвется тропа.
– Остановись! –
Юность слепа.
Ввысь им и ввысь!
В синюю рожь!
– Остановись! –
В небо ступнешь.

25 августа 1921

«Соревнования короста...»
Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой – Петербург, моя – Москва.
Блаженно так и бескорыстно,
Мой гений твоему внимал.
На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал.
Но вал моей гордыни польской –
Как пал он! – С златозарных гор
Мои стихи – как добровольцы
К тебе стекались под шатер...
Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесть?
И безутешна я, что женской лиры
Одной, одной мне тягу несть.

12 сентября 1921

Маяковскому
Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир!
Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Певец площадных чудес –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.
Здорово, бульжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова
Оглоблей гребет – крылом
Архангела ломового.

18 сентября 1921

Хвала Афродите

1. «Блаженны дочерей твоих, Земля...»
Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.
Так лавр растет, – жестоко лист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
– Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

17 октября 1921

2. «Уже богов – не те уже щедроты...»

Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!
Я ж на песках похолодевших лега,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла.

17 октября 1921

3. «Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь...»

Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.
Тяжкоразящей стрелой тупою
Освободил меня твой же сын.
– Так о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

18 октября 1921

4. «Сколько их, сколько их ест из рук...»

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!

Целые царства воркуют вокруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.

И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной –
Грудью круглится.

В каждом цветке неповинном – твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...

В пене и в муке –

Повиноваться тебе доколь,

Камень безрукий?

23 октября 1921

«С такую силой в подбородок руку...»

С такую силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет –
Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: Пора!

Так в ночь глядит – последними глазами –
Наложница последнего царя.

24 октября 1921

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Как по тем донским боям...»
С. Э.

Как по тем донским боям, –
В серединку самую,
По заморским городам
Все с тобой мечта моя.
Со стены сниму кивот
За труху бумажную.
Все продажное, а вот
Память не продажная.
Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике.
Оттого что мы с тобой –
Одноколыбельники.
Не для тысячи судеб –
Для единой родимся.
Ближе, чем с ладонью хлеб, –
Так с тобою сходимся.
Не унес пожар-потоп
Перстенька червонного!
Ближе, чем с ладонью лоб,
В те часы бессонные.
Не возьмет мое вдовство
Ни муки, ни мельника...
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.
Знай, в груди моей часы
Как завел – не ржавели.
Знай, на красной на Руси
Все ж самодержавие!
Пусть весь свет идет к концу –
Достою у всенощной!
Чем с другим каким к венцу –
Так с тобою к стеночке.
– Ну-кошь, до меня охоч!
Не зевай, брательники!
Так вдвоем и канем в ночь:
Одноколыбельники.
13 декабря 1921
«Не ревновать и не клясть...»
Алексею Александровичу Чаброву
Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая – все стрелы!
Дружба! – Последняя страсть
Недосожженного тела.
В сердце, где белая даль,
Гладь – равноденствие – ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.
Знать: не бывать и не быть!
В зоркости самоуправной
Как черепицами крыть
Молниеокую правду.
Рук непреложную рознь
Блюсть, костеня от гнева.
– Дружба! – Последняя кознь
Недоказненного чрева.
21 января 1922
«Не похорошела за годы разлуки!..»
С. Э.

Не похорошела за годы разлуки!
Не будешь сердиться на грубые руки,
Хватающиеся за хлеб и за соль?
– Товарищества трудовая мозоль!
О, не прихорашивается для встречи
Любовь. – Не прогневайся на просторечье

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Речей, – не советовала б пренебречь:
То летописи огнестрельная речь.
Разочаровался? Скажи без боязни!
То – выкорчеванный от дружб и приязней
Дух. – В путаницу якорей и надежд
Прозрения непоправимая брешь!
23 января 1922

1913 г. Москва

«А и простор у нас татарским стрелам!..»
А и простор у нас татарским стрелам!
А и трава у нас густа – бурьян!
Не курским соловьем осоловелым,
Что похотью своею пьян,
Свищу над реченькою румянистой,
Той реченькою – не старей,
Покамест в неширокие полсвиста
Свищу – пытаться богатырей.
Ох и рубцы ж у нас пошли калеки!
– Алешеньки-то кровь, Ильи! –
Ох и красны ж у нас дымятся реки,
Малиновые полыньи.
В осоловелой оторопи банной –
Хрип княжеский да волчья сыть.
Всей соловьиной глоткой разливанной
Той оторопи не покрыть.
Вот и молчок-то мой таков претихий,
Что вывелась моя семья.
Меж соловьев слезистых – соколиха,
А род веду – от Соловья.
9 февраля 1922

«Не приземист – высокоросл...»
Не приземист – высокоросл
Стан над выравненностью грядок.
В густоте кормовых ремесл
Хоровых не забыла радуг.
Сплю – и с каждым батрацким днем
Тверже в памяти благодарной,
Что когда-нибудь отдохнем
В верхнем городе Леонардо.
9 февраля 1922

«Слезы – на лисе моей облезлой!..»
Слезы – на лисе моей облезлой!
Глыбой – чересплечные ремни!
Громче паровозного железа,
Громче левогрудой стукотни –
Дребезг подымается над щебнем,
Скрежетом по рощам, по лесам.
Точно кто вгрызающимся гребнем
Разом – по семи моим сердцам!
Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегар,
Или же – вдоль насыпи сутулой
Шепоты и тойоты татар.
Или мужичонка, на круг должный,
За косу красу – да о косяк?
(Может, людоедица с Поволжья
Склабом – о ребяческий костяк?)
Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
Или же за кровь мою, за труд –
Сорок звонарей моих взбесились –
Иболярынюсвоюпоют...
Сокол-перерезанные пути!
Шибче от кровавой колеи!
– То над родиной моею лютой

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Исстрадавшиеся соловьи.

10 февраля 1922

«Сомкнутым строим...»

Сомкнутым строим –
Противу всех,
Дай же спокойно им
Спать во гробех.
Ненависть, – чти
Смертную блажь!
Ненависть, спи:
Рядышком ляжь!
В бранном их саване –
Сколько прорех!
Дай же им правыми
Быть во гробех.
Враг – пока здоров,
Прав – как упал.
Мертвым – устав
Червь да шакал.
Вместо глазниц –
Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын – раз в крови!
Собственным телом
Отдал за всех...
Дай же им белыми
Быть во гробех.

22 февраля 1921

«Знакомец! Отколева в наши страны?..»

Знакомец! Отколева в наши страны?

Которого ветра клясть?

Знакомец! С тобою в любовь не встану:

Твоя вороная масть.

Покамест костру вороному – пыхать,

Красавице – искра в глаз!

– Знакомец! Твоя дорогая прихоть,

А мой дорогой отказ.

Москва, 18 марта 1922

Марина Ивановна с Муром. Начало 30-х гг.

Пройти, чтоб не оставить следа,

Пройти, чтоб не оставить тени

«Есть час на те слова...»

Есть час на те слова.

Из слуховых глушизн

Высокие права

Выстукивает жизнь.

Быть может – от плеча,

Протиснутого лбом.

Быть может – от луча,

Невидимого днем.

В напрасную струну

Прах – взмах на простыню,

Дань страху своему

И праху своему.

Жарких самоуправств

Час – и тишайших просьб.

Час безземельных братств.

Час мировых сиротств.

11 июня 1922

«Это пеплы сокровищ...»

Это пеплы сокровищ:

Утрат, обид.

Это пеплы, пред коими

В прах – гранит.

Голубь голый и светлый,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.
Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит, БОГ в мои двери –
Раз дом сгорел!
Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух – из ранних седин!
И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость – победа
Бессмертных сил.
21 сентября 1922
«Спаси Господи, дым!..»
Спаси Господи, дым!
– Дым-то, БОГ с ним! А главное – сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартиры:
С той же лампой вплоть, –
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
Хоть бы деревце, хоть
Для детей! – И каков-то хозяин?
И не слишком ли строг
Тот, в монистах, в монетах, в туманах,
Непреклонный как рок
Перед судорогой карманов.
И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потише!
Тоже сладости нет
В том-то в старом – да нами надышан
Дом, пропитан насквозь!
Нашей затхлости запах! Как с ватой
В ухе – спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!
Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А все мил... А уж тут: номера ведь!
Как рождаются в мир,
Я не знаю: но так умирают.
30 сентября 1922
Хвала богатым
И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою – мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно мое место в мире:
Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: люблю богатых!
За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.
За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.
За их тайны – всегда с нарочным!
За их страсти – всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)
И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят –
Подтверждаю: люблю богатых!
А еще, несмотря на бритость,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сытость, питость (моргну – и трачу!)
За какую-то – вдруг – побитость,
За какой-то их взгляд собачий
Сомневающийся...
– не стержень
ли к нулям? Не шалют ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет – такого сиротства в мире!
Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный на-смерть,
Извиняющийся в болезни,
Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы –
Да»...
За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я – брат был»...
Присягаю: люблю богатых!
30 сентября 1922
Рассвет на рельсах
Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.
Из сырости – и свай,
Из сырости – и серости,
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.
Туман еще щадит,
Еще, в холсты запахнутый,
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...
Из сырости – истай...
Еще вестями тальми
Лжет ворона сталь –
Еще Москва за шпалами!
Так, под упорством глаз –
Владением бесплотнейшим
Какая разлилась
Россия – в три полотнища!
И – шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пуцу
Вагоны с погорельцами:
С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
и восемь лошадей).
Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости – и сирости,
Покамест день не встал
С его страстями стравленными –
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!
Без низости, без лжи:
Даль – да две рельсы синие...
Эй, вот она! – Держи!
По линиям, по линиям...
12 октября 1922
«В сиром воздухе загробном...»
В сиром воздухе загробном –
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздрог,
Повороты рельс...
Точно жизнь мою угнали
По стальной версте –
В сиром мороке – две дали...

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.

Из последних жил

В сиром мороке в две жилы

Истекает жизнь.

28 октября 1922

Офелия – в защиту королевы

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь

Тревожить... На розы взгляни!

Подумай о той, что – единого дня лишь –

Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра

Порочить... Не девственным – суд

Над страстью. Тяжеле виновная – Федра:

О ней и поныне поют.

И будут! – А Вы с Вашей примесью мела

И тлена... С костями злословь,

Принц Гамлет! Не Вашего разума дело

Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты –

Ввысь – в опочивальню – и всласть!

Своей Королеве встаю на защиту –

я, Ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

Поэты

1. «Поэт – издалека заводит речь...»

Поэт – издалека заводит речь.

Поэта – далеко заводит речь.

Планетами, приметами, окольных

Притч рытвинами... Между да и нет

Он даже размахнувшись с колокольни

Крюк выморочит... Ибо путь комет –

Поэтов путь. Развеянные звенья

Причинности – вот связь его! Кверх лбом –

Отчаесть! Поэтовы затменья

Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,

Обманывает вес и счет,

Он тот, кто спрашивает с парты,

Кто Канта наголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилии

Как дерево в своей красе.

Тот, чьи следы – всегда простыли,

Тот поезд, на который все

Опаздывают...

– ибо путь комет

Поэтов путь: жжя, а не согревая.

Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом –

Твоя стезя, гривастая кривая,

Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

2. «Есть в мире лишние, добавочные...»

Есть в мире лишние, добавочные,

Не вписанные в окоём.

(Нечислящимся в ваших справочниках,

Им свалочная яма – дом.)

Есть в мире полые, затолканные,

Немотствующие – навоз,

Гвоздь – вашему подолу шелковому!

Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:

(Знак: лепрозариумов крап!)

Есть в мире Иовы, что Иову

Завидовали бы – когда б:

Поэты мы – и в рифму с париями,

Но, выступив из берегов,

Мы бога у богинь оспариваем

И девственницу у богов!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
22 апреля 1923

3. «Что же мне делать, слепцу и пасынку...»

Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям –
Страсти! где насморком
Назван – плач!
Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! – как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим – как по мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.
Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

22 апреля i 923

Поэма заставы

А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.
А покамест еще в тенетах
Не увязла – людских кривизн,
Буду брать – труднейшую ноту,
Буду петь – последнюю жизнь!
Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.
День без числа.
Вербачиха зачихала.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!
Потных и плотных.
Потных и тощих:
– Ну да на площадь?! –
Как на полотнах –
Как на полотнах
Только – и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.
Ад? – Да.
Но и сад – для
Баб и солдат,
Старых собак,
Малых ребят.
«Рай – с драками?
Без – раковин
От устриц?
Без люстры?
С заплатами?!»
– Зря плакали:
У всякого –
Свой.
Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!
Здесь ненависть оптом и скопом:
Расправ пулемет!
Здесь часто бывают потопы:
Застава плывет!
Здесь плачут, здесь звоном и воем
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: шалишь!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Здесь платят! Здесь Богом и Чертом.
Горбом и торбой!
Здесь молодости как над мертвым
Поют над собой.
Здесь матери, дитя заспав...
– Мосты, пески, кресты застав! –
Здесь младшую купцу пропив...
Отцы...
– Кусты, кресты крапив...
– Пусти.
– Прости.

23 апреля 1923

Так вслушиваются...

1. «Так вслушиваются (в исток...)»

Так вслушиваются (в исток

Вслушивается – устье).

Так внюхиваются в цветок:

Вглубь – до потери чувства!

Так в воздухе, который синь, –

Жажда, которой дна нет.

Так дети, в синеве простынь,

Всматриваются в память.

Так вчувствовывается в кровь

Отрок – доселе лотос.

...Так влюбливаются в любовь:

Впадываются в пропасть.

2. «Друг! Не кори меня за тот...»

Друг! Не кори меня за тот

Взгляд, деловой и тусклый.

Так вглатываются в глоток:

Вглубь – до потери чувства!

Так в ткань вработываясь, ткач

Ткет свой последний пропад.

Так дети, вплакиваясь в плач,

Вшептываются в шепот.

Так вплясываются... (велик

Бог – посему крутитесь!)

Так дети, вкрикиваясь в крик,

Вмалчиваются в тишь.

Так жалом тронутая кровь

Жалуется – без ядов!

Так вбаливаются в любовь:

Впадываются в: падать.

3 мая 1923

Хвала времени

Вере Аренской

Беженская мостовая!

Гикнуло – и понеслось

Опрометями колес.

Время! Я не поспеваю.

В летописях и в лобзаньях

Пойманное... но песка

Струечкою шелестя...

Время, ты меня обманешь!

Стрелками часов, морщин

Рытвинами – и Америк

Новшествами... – Пуст кувшин! –

Время, ты меня обмеришь!

Время, ты меня предашь!

Блудною женой – обнову

Выронишь... – «Хоть час да наш!»

– Поезда с тобой иного

Следования!.. –

Ибо мимо родилась

Времени! Вотще и всуе

Ратуешь! Калиф на час:

Время! Я тебя миную.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
10 мая 1923

Прокрасться...
А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...
Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.
А может – лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха
На урну...
Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод..

14 мая 1923

Рельсы
В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь –
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!
Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало – не поют!)
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.
Это – остаются. Боль как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...
Час, когда отчаяньем как свахой
Простыни разостланы. – Твоя! –
И обезголосившая Сафо
Плачет как последняя швея.
Плач безропотности! Плач болотной
Цапли, знающей уже... Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.
Растекись напрасною зарею
Красное напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.
10 июля 1923

Марина Цветаева. 1913 г.

Час души

1. «В глубокий час души и ночи...»
В глубокий час души и ночи,
Нечислящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Нечислящиеся в ночах
Ничьих еще, двойной запрудой
– Без памяти и по края! –
Покоящиеся...
Отсюда
Жизнь начинается твоя.
Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящей – Рим!
Сновидящее материнство
Скалы... Нет имени моим
Потерянностям... Все покровы

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Сняв – выросшая из потерь! –
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонила дочь
Египетская...

14 июля 1923

2. «В глубокий час души...»

В глубокий час души,
В глубокий – ночи...
(Гигантский шаг души,
Души в ночи)

В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить – чертог души,
Душа, верши.

Ржавь губы, пороши
Ресницы – снегом.

(Атлантский вздох души,
Души – в ночи...)

В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод
Душа, горчи.

Горчи и омрачай:

Расти: верши.

8 августа 1923

3. «Есть час Души, как час Луны...»

Есть час Души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы –
Час... Час Души – как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!

Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей – мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных. – Плотины спуск!

Все вещи сорвались с пазов,
Все сокровенья – с уст!

С глаз – все завесы! Все следы –
Вспять! На линейках – нот –
Нет! Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей – бьет.

Беда моя! – так будешь звать.

Так, лекарским ножом
Истерзанные, дети – мать

Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо. – Ляг».

Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей – благ.

14 августа 1923

Поезд жизни

Не штык – так клык, так сугроб, так шквал, –
В Бессмертье что час – то поезд!

Пришла и знала одно: вокзал.

Раскладываться не стоит.

На всех, на всё – равнодушьем глаз,
Которым конец – исконность.

О, как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших... – Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток

От этой фатальной фальши:

Папильоток, пеленок.

Щипцов каленых,

Волос паленых,

Чепцов, клеенок,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

О – де – ко – лонов
Семейных, швейных
Счастлих (kleinwenig) [7]
Взят ли кофейник?
Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.
Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть – тоже вне класса!
В удаль, в одурь, в гармошку, в надсад, в тщету!
– Эти нехристи и льнут же! –
Чтоб какой-нибудь странник: «На тем свету»...
Не дождавшись скажу: лучше!
Площадка. – И шпалы. – И крайний куст
В руке. – Отпускаю. – Поздно
Держаться. – Шпалы. – От стольких уст
Устала. – Гляжу на звезды.
Так через радугу всех планет
Пропавших – считал-то кто их? –
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 октября 1923

«Древняя тщета течет по жилам...»
Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!
К Нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу – иль еще куда-нибудь
Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела
Вон – хочу! (в час тупящихся вежд
Разве выступаем – из одежд?)
...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

7 октября 1923

Око
Фонари, горящие газом.
Леденеющим день от дня.
Фонари, глядящие глазом,
Не пойму еще – в чем? – вина,
Фонари, глядящие наземь:
На младенцев и на меня.

23 октября 1923

«Ты, меня любивший фальшью...»
Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!
Ты, меня любивший дольше
Времени. – Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

Двое

1. «Есть рифмы в мире сём...»
Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь – и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь – на буграх надбровных.
Ночь – твой рапсодов плащ,
Ночь – на очах – завесой.
Разъединил ли б зрящ
Елену с Ахиллесом?
Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.
Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях
Мир, и, разъединен,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мстит (на согласьях строен!)

Неверностями жен
Мстит – и горящей Троей!
Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы – в мире том
Подобренные. Рухнет
Сей – разведешь. Что нужд
В рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!
Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
«Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара».

30 июня 1924

2. «Не суждено, чтобы сильный с сильным...»

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем.
Так разминувшись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.
В братственной ненависти союзной
– Буйволами! – на скалу – скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанного – спала.
Порознь! – даже на ложе брачном –
Порознь! – даже сцепясь в кулак –
Порознь! – на языке двузначном –
Поздно и порознь – вот наш брак!
Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв как лев –
Так разминувшись: сын Фетиды
С дочерью Аресовой: Ахиллес
С Пенфезилеей.

О вспомни – снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже, – из жижи
Взгляд ее – все ж еще свысока!
Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный – с равным...
Так разминовываемся – мы.

3 июля 1924

3. «В мире, где всяк...»

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один
Мне равносилен.
В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю – один
Мне равномошен.
В мире, где все –
Плесень и плюц,
Знаю: один
Ты – равносуц
Мне.

3 июля 1924

Попытка ревности
Как живется вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговую
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове
(по небу – не по водам!)
Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!
Как живется вам с простою

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),
Как живется вам – хлопочется –
Ежится? Встается – как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?
«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью –
Избранному моему!
Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живется вам с подобием –
Вам, поправшему Синай?
Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?
Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?
Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!
Рыночного новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых
Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живется, милый? Тяжче ли –
Так же ли – как мне с другим?
19 ноября 1924

Жизни

1. «Не возьмешь моего румянца...»

Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бес.
Не возьмешь мою душу живу!
Так, на полном скаку погонь –
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь
Аравийский.

25 декабря 1924

2. «Не возьмешь мою душу живу...»

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, –
Безошибочен певчий слух!
Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром:
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.
Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.

– Заждалась ножа!

28 декабря 1924

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

«Жив, а не умер...»
Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле как в трюме,
В себе как в тюрьме.
Мир – это стены.
Выход – топор.
(«Мир – это сцена», –
Лепечет актер).
И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле – как в славе.
В теле – как в тоге.
Многие лета!
Жив – дорожи!
(Только поэты
В кости – как во лжи!)
Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле как в ватном
Отчем халате.
Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле – как в стойле.
В себе – как в котле.
Бранных не копим
Великолепий.
В теле – как в топи,
В теле – как в склепе.
В теле – как в крайней
Ссылке. – Зачах!
В теле – как в тайне,
В висках – как в тисках
Маски железной.
5 января 1925

Марина Цветаева. Прага, 1920-е гг.

«Существования котловиною...»
Существования котловиною
Сдавленная, в столбняке глушизн,
Погребенная заживо под лавиною
Дней – как каторгу избываю жизнь.
Гробовое, глухое мое зимовье.
Смерти: инея на уста-красны –
Никакого иного себе здоровья
Не желаю от Бога и от весны.
11 января 1925
«Что, Муза моя! Жива ли еще?..»
Что, Муза моя! Жива ли еще?
Так узник стучит к товарищу
В слух, в ямку, перстом продолбленную
– Что Муза моя? Надолго ли ей?
Соседки, сердцами спутанные.
Тюремное перестукиванье.
Что Муза моя? Жива ли еще?
Глазами не знать желающими,
Усмешкою правду кроющими,
Соседскими, справа-коечными
– Что, братец? Часочек выиграла?
Больничное перемигивание.
Эх, дело мое! Эх, марлевое!
Так небо боев над Армиями,
Зарницами вкось исчерканное,
Ресничное пересвёркиванье.
«Променявши на стремя...»
Променявши на стремя –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Поминайте коня ворона!
Невозвратна как время,
Но возвратна как вы, времена
Года, с первым из встречных
Предающая дело родни,
Равнодушна как вечность,
Но пристрастна как первые дни
Весен... собственным пеньем
Опьяняясь, как ночь – соловьем,
Невозвратна как племя
Вымирающее (о нем
Гейне пел, – брак мой тайный:
Слаще гостя и ближе, чем брат...)
Невозвратна, как Рейна
Сновиденный убийственный клад.
Чиста-злата – нержавый,
Чиста-серебра – Вагнер? – нырни!
Невозвратна, как слава
Наша русская...
19 февраля 1925

«Рас – стояние: версты, мили...»
Рас – стояние: версты, мили...
Нас рас – ставили, рас – садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.
Рас – стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассорили – рассорили.
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас как орлов –
Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По трещинам темных широт
Рассовали нас как сирот.
Который уж, ну который – март?!
Разбили нас – как колоду карт!
24 марта 1925

«Русской ржи от меня поклон...»
Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...
Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер – в гекзаметре,
Дай мне руку – на весь тот свет!
Здесь – мои обе заняты.
Прага, 7 мая 1925

«Брат по песенной беде...»
Брат по песенной беде –
Я завидую тебе.
Пусть хоть так она исполнится
– Помереть в отдельной комнате! –
Сколько лет моих? лет ста?
Каждодневная мечта.
И не жалость: мало жил,
И не горечь: мало дал.
Много жил – кто в наши жил
Дни: все дал, – кто песню дал.
Жить (конечно, не новей
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть –
Потолочные крюки.
Начало января 1926

«Кто – мы? Потонул в медведях...»

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Кто – мы? Потонул в медведях
Тот край, потонул в полозьях.
Кто – мы? Не из тех, что ездят –
Вот – мы! А из тех, что возят:
Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые – за везучесть.
Везло! Через Дон – так голым
Льдом. Хвать – так всегда патроном
Последним. Привар – несолон.
Хлеб – вышел. Уж так везло нам!
Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.
Не вывезли! Пешим дралом –
В ночь, выхаркнуты народом!
Кто мы? да по всем вокзалам!
Кто мы? да по всем заводам!
По всем гнойникам гаремным[8] –
Мы, вставшие за деревню,
За – дерево...
С шестерней, как с бабой, сладившие –
Это мы – белоподкладочники?
С Моховой князя да с Бронной-то –
Мы-то – золотопогонники?
Гробокопы, клополовы –
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
Хорошо! хорошо!
Судомои, крысотравы,
Дом – верша, гром – глуша,
Это мы пустили славу:
– Хороша! хороша –
Русь!
Маляры-то в поднебесьице –
Это мы-то с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили –
Мы, ребятами.
– История.
Баррикады, а нынче – троны.
Но все тот же мозольный лоск.
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.
Мрем от них. Под шинелью драной –
Мрем, наган наставляя в бред...
Перестраивайте Бедламы:
Все – малы для российских бед!
Бредит шпорой костыль – острите! –
Пулеметом – пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья –
Ледяного похода знак.
Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно – там:
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам.
St. Gilles-sur-Vie (Vendee)
Апрель 1926
Маяковскому
1. «Чтобы край земной не вымер...»
Чтобы край земной не вымер
Без отчаянных дядей,
Будь, младенец, Володимир:
Целым миром Володей!
2. «Литературная – не в ней...»
Литературная – не в ней
Суть, а вот – кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
Ушедший – раз в столетье
Приходит. Сбит передовой
Боец. Каких, столица,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Еще тебе вестей, какой
Еще – передовицы?
Ведь это, милые, у нас,
Черновец – милюковцу:
«Владимир Маяковский? Да-с.
Бас, говорят, и в кофте
Ходил»...

Эх кровь–твоя–кровца!
Как с новью примириться,
Раз первого ее бойца
Кровь – на второй странице
(Известий).

3. «В гробу, в обыкновенном темном костюме...»

«В гробу, в обыкновенном темном костюме,
в устойчивых, грубых ботинках, подбитых
железом, лежит величайший поэт революции».

(«Одnodневная газета», 24 апреля 1920 г.)

В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал –
Никаким обходом ни объездом
Не доставшийся бы перевал –
Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон.
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель – он.
В сапогах – двустопная жилплощадь,
Чтоб не вмешивался жилотдел –
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес – и брал – и клял – и пел –
В сапогах и до и без отказа
По невспаханностям Октября,
В сапогах – почти что водолаза:
Пехотинца, чище ж говоря:
В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях.
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)
Миллионного... – В котором роде
Своего, когда который год:
«Ничего–де своего в заводе!»
Всех народов горя гору – вот.
Так вот в этих – про его Рольс–Ройсы
Говорок еще не приутих –
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах – свидетельствующих.

4. «В гробу, в обыкновенном темном костюме...»

Любовная лодка разбилась о быт.

И полушки не поставишь

На такого главаря.

Лодка–то твоя, товарищ,

Из какого словаря?

В лодке, да еще в любовной,

Запрокинуться – скандал!

Разин – чем тебе не ровня? –

Лучше с бытом совладал.

Эко новшество – лекарство

Хлещущее, что твой кран!

Парень, не по–пролетарски

Действуешь – а что твой пан!

Стоило ж в богов и в матку

Нас, чтоб – кровь, а не рассвет! –

Класса белую подкладку

Выворотить напослед.

Вроде юнкера, на Тоске

Выстрелившего – с тоски!

Парень! не по–маяковски

Действуешь: по–шаховски.

Фуражечку б на бровишки

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И – прощай, моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил – прадедом своим.
То-то же, как на поверку
Выйдем – стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.
Только раньше – в околодок,
Нынче ж..
– Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых – нету под луной.
5. «Выстрел – в самую душу...»
Выстрел – в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.
Еще раз не осекся,
И, в точку попав, – усоп.
Было, стало быть, сердце,
Коль выстрелу следом – стоп.
(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит – тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»)»
Выстрел – в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто – левую мочку
Отбривши – с женой в постель.)
Молодец! Не прошибся!
А женщины ради – что ж!
И Елену паршивкой
– Подумавши – назовешь.
Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут – слевил.
Кабы в правую – сверк бы
Ланцетик – и здрав ваш шеф.
Выстрел в левую створку:
Ну в самый-те Центропев!
6. «Зерна огненного цвета...»
Зерна огненного цвета
Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света
Красный как огонь.
Советским вельможей,
При полном Синоде...
– Здорово, Сережа!
– Здорово, Володя!
Умаялся? – Малость.
– По общим? – По личным.
– Стрелялось? – Привычно.
– Горелось? – Отлично.
– Так, стало быть, пожил?
– Пасс в нек'тором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!
А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище – меня-то
Обкладывал? – Ладно
Уж... – Вот-те и шлюпка
Любовная лодка!
Ужель из-за юбки?
– Хужей из-за водки.
Опухшая рожа.
С тех пор и на взводе?

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Негоже, Сережа.
– Негоже, Володя.
А впрочем – не бритва –
Сработано чисто.
Так, стало быть, бита
Картишка? – Сочится.
– Приложь подорожник.
– Хорош и коллодий.
Приложим, Сережа?
– Приложим, Володя.
А что на Рассее –
На матушке? – То есть
Где? – В Эсэсэсере
Что нового? – Строят.
Родители – родят,
Вредители – точут,
Издатели – водят,
Писатели – строчут.
Мост новый заложен,
Да смыт половодьем.
Все то же, Сережа!
– Все то же, Володя.
А певчая стая?
– Народ, знаешь, тертый!
Нам лавры сплетая,
У нас как у мертвых
Прут. Старую Росту
Да завтрашним лаком.
Да не обойдешься
С одним Пастернаком.
Хошь, руку приложим
На ихнем безводье?
Приложим, Сережа?
– Приложим, Володя!
Еще тебе кланяется...
– А что добрый
Наш Льсан Алексаныч?
– Вон – ангелом! – Федор
Кузьмич? – На канале:
По красные щеки
Пошел. – Гумилев Николай?
– На Востоке.
(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)
– Все то же, Сережа.
– Все то же, Володя.
А коли все то же,
Володя, мил-друг мой –
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук – и –
Нет.
– Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и это
Подложим гранату!
И на растворенном
Нами восходе –
Заложим, Сережа!
– Заложим, Володя!
7. «Много храмов разрушил...»
Много храмов разрушил,
А этот – ценней всего.
Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего.
Савойя, август 1930
Лучина
До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Зрел, зрит, говорю, и днесь,
Что скушным и некрасивым
Нам кажется <ваш> Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»
Июнь 1931

Стихи к Пушкину

1 «Бич жандармов, бог студентов...»

Бич жандармов, бог студентов,
желчь мужей, услада жен,
Пушкин – в роли монумента?
Гостя каменного? – он,
Скалозубый, наглозорый
Пушкин – в роли Командора?
Критик – ноя, нытик – вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство – моря
Позабыли – о гранит
Бьющегося? Тот, соленый
Пушкин – в роли лексикона?
Две ноги свои – погреться –
Вытянувший, и на стол
Вспрыгнувший при Самодержце
Африканский самовол –
Наших прадедов умора –
Пушкин – в роли гувернера?
Черного не переокрасить
в белого – неисправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки – своим
Звавший, невское – проклятым!
– Пушкин – в роли русопята?
Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с душой рифмовал,
А «Европы Вестник» – с...
Пушкин – в роли гробокопа?
К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем,
Всех живучей и живее!
Пушкин – в роли мавзолея?
То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами – хлам!
Как из душа! Как из пушки –
Пушкиным – по соловьям
Слова, соколам полета!
– Пушкин – в роли пулемета!
Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фронт!»
А куда девали пекло
Губ, куда девали – бунт
Пушкинский? уст окаянство?
Пушкин – в меру пушкиньянца!
Томики поставив в шкафчик –
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!
Белокровье мозга, морга
Синь – с оскалом негра, горло
Кажущим...
Поскакал бы, всадник Медный,
Он со всех копыт – назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он – не трусоват.
Сей, глядевший во все страны –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В роли собственной Татьяны?
Что вы делаете, карлы,
Этот – голубей олив –
Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеим
Низостию двуединой
Золота и середины?
«Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань
Площадную – попугаи.
– Пушкин? Очень испугали!

25 июня 1931

2. Петр и Пушкин

Не флотом, не потом, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом – из всякого ряду,
Не сносом – всего, чему срок,
Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).
И большего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) –
Когда б не привез Ганнибала –
Арапа на белую Русь.
Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, – от внука –
то негрского – свет на Руси!
Уж он бы вертлявого – в струнку
Не стал бы! – «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер,
Как я – машкерадный король!»
Поняв, что ни пеной, ни пемзой –
Той Африки, – царь-грамотей
Решил бы: «Отныне я – цензор
Твоих африканских страстей».
И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!
Плыви – ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься – так ворочайся,
А нет – хошь и дверь позабуди!
Приказ: ледяные туманы
Покинув – за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать».
И мимо наставленной свиты,
Отставленной – прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал – по земле или над?
Сей не по снегам смуглолицый
Российским – снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!
Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей тоже – метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!
Уж он бы с тобою – поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный – Николаем,
Пожалованный бы – Петром!
Уж он бы жандармского сыска

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе – василиска
Взгляд! – не замораживал уст.
Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком –
Подонком – опенком Петра
Был сослан в румынскую область,
Да ею б – пожалован был
Сим – так ненавидевшим робость
Мужскую, – что сына убил
Сробевшего. – «Эта мякина –
я? – Вот и роди! и расти!»
Был негр ему истинным сыном,
Так истинным правнуком – ты
Останешься. Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.
И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла..
Последний – посмертный – бессмертный
Подарок России – Петра.

2 июля 1931

3. (Станок)

Вся его наука –
Мощь. Светло – гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.
Прадеду – товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка –
Как своей рукой.
Вольному – под стопки?
Мне, в котле чудес
Сем – открытой скобки
Ведающей – вес,
Мнящейся описки –
Смысл, короче – всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!
Пелось как – поется
И поныне – так.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,
Знаем – как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю – как хотелось
В лес – на бал – ввозок..
И как – спать хотелось!
Над цветком любви –
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьями!
Перья на востроты –
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!
А зато – меж талых
Свеч, картежных сеч –
Знаю – как стрясалось!
От зеркал, от плеч
Голых, от бокалов
Битых на полу –
Знаю, как бежалось
К голому столу!
В битву без злодейства:
Самого – с самим!
– Пушкиным не бейте!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ибо бью вас – им!

1931

4. «Преодоление...»

Преодоление

Косности русской –

Пушкинский гений?

Пушкинский мускул

На кашалотье

Туше судьбы –

Мускул полета,

Бега,

Борьбы.

С утренней негой

Бившийся – бодро!

Ровного бега,

Долгого хода –

Мускул. Побегов

Мускул степных,

Шлюпки, что к берегу

Тщится сквозь вихрь.

Не онедужен

Русскою кровью –

О, не верблюжья

И не воловья

Жила (усердство

Из-под ремня!) –

Конского сердца

Мышца – моя!

Больше балласту –

Краше осанка!

Мускул гимнаста

И арестанта,

Что на канате

Собственных жил

Из каземата –

Соколом взмыл!

Пушкин – с монарших

Рук руководством

Бившийся так же

На смерть – как бьется

(Мощь – прибывала,

Сила – росла)

С мускулом вала

Мускул весла.

Кто-то, на фуру

Несший: «Атлета

Мускулатура,

А не поэта!»

То – серафима

Сила – была:

Несокрушимый

Мускул – крыла.

10 июля 1931

(Поэт и царь)

1(5) «Потусторонним...»

Потусторонним

Залом царей.

– А непреклонный

Мраморный сей?

Столь величавый

В золоте барм.

– Пушкинской славы

Жалкий жандарм.

Автора – хаял,

Рукопись – стриг.

Польского края –

Зверский мясник.

Зорче взгляды!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

12 июля 1931

2(6) «Нет, бил барабан перед смутным полком...»

Нет, бил барабан перед смутным полком,

Когда мы вождя хоронили:

То зубы царицы над мертвым певцом

Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям –

Нет места. В изглавы, в изножи,

И справа, и слева – ручищи по швам –

Жандармские груди и рожи.

Не диво ли – и на тишайшем из лож

Пребыть поднадзорным мальчишкой?

На что-то, на что-то, на что-то похож

Почет сей, почетно – да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,

Монарх о поэте печется!

Почетно – почетно – почетно – архи –

почетно, – почетно – до черту!

Кого ж это так – точно воры вора

Пристреленного – выносили?

Изменника? Нет. С проходного двора –

Умнейшего мужа России.

Медон, 19 июля 1931

3(7) «Народоправству, свалившему трон...»

Народоправству, свалившему трон,

Не упразднимшему – тренья:

Не поручать палачам похорон

Жертв, цензорам – погребенья

Пушкиных. В непредуказанный срок,

В предотвращение смуты.

Не увозить под (великий!) шумок

По воровскому маршруту –

Не обрекать на последний мрак,

Полную глухонемость

Тела, обкарнанного и так

Ножницами – в поэмах.

19 июля 1933

Страна

С фонарем обшарьте

Весь подлунный свет!

Той страны на карте –

Нет, в пространстве – нет.

Выпита как с блюдца, –

Донышко блеснит.

Можно ли вернуться

В дом, который – срыт?

Заново родися –

В новую страну!

Ну-ка, воротися

На спину коню

Сбросившему! Кости

Целы-то – хотя?

Эдакому гостю

Булочник – ломтя

Ломаного, плотник –

Гроба не продаст!

Той ее – несчетных

Верст, небесных царств,

Той, где на монетах –

Молодость моя,

Той России – нету.

– Как и той меня.

Конец июня 1931

Ода пешему ходу

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1. «В век сплошных скоропадских...»

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей –
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!
Всеутёсно, всерощно,
Пряником, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы – порог,
Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам
За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
– Нет, безногое племя,
Даль – ногами добудь!
Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам –
Божествам в сапогах!
Если есть в мире – ода
Богу сил, богу гор –
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.
Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто – шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд – что лопается!
Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст –
Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.

– Случай?

– Дури собственной – столб.

2. «Вот он, грузов наспинных...»

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту – как насильник
С ног сшибающий: лечь!
Не ответит и ляжет –
Как могила – как пласт, –
Но лица не покажет
И души не отдаст...
Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль, –
О безглазый, очкастый
Лакированный нуль!
Между Зюдом и Нордом –
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),
Ваши Рольсы и Ройсы –
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего – бресть.
Драгоценные куклы
С Опера и Мадлэн,
Вам бы тихие туфли
Мертвецовы – взамен
Лакированных лодок.
О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!
Слава Господу в небе –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Богу сил, Богу царств –
За гранит и за щебень,
И за шпат и за кварц,
Чистоганную сдачу
Под копытом – кремня...
И за то, что – ходячим
Чудом – создал меня!

3. «Дармоедством пресытись...»

Дармоедством пресытись,
С шины – спешится внук.
Пешеходы! Держитесь –
Ног, как праотцы – рук.
Где предел для резины –
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздоху – хватит в груди!
Как поток жаждет Прага,
Так восторг жаждет – трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!
По ручьям, по моррэнам,
Дальше – нет! дальше – стой!
Чтобы Альпы – коленом
Знал, саванны – ступней.
Я костями, други, лягу –
За раскрытие школ!
Чтоб от первого шага
До последнего – шел
Внук мой! отпрыск мой! мускул,
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков –
На своих – на двоих!
Медон, 26 августа 1931 кламар,
30 марта 1933

Дом

Из-под нахмуренных бровей
Дом – будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: – Здравствуй, я!
Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.
Недаром я – грузи! вези! –
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трущоб
Фронтоном чувствовала лоб.
Аполлонический подъем
Музейного фронтона – лбом
Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни –
Как за ветвями бузины.
Глаза – без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий – сто пятьдесят.
Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.
Не сдавшиеся злобе дня
Глаза, оставшиеся – да! –
Зерцалами самих себя.
Из-под нахмуренных бровей –
О, зелень юности моей!
Та – риз моих, та – бус моих,
Та – глаз моих, та – слез моих...
Меж обступающих громад –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дом – пережиток, дом – магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип
Души моей...

6 сентября 1931

Бузина

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена,
Зеленее, чем плесень на чане!
Зелена, значит, лето в начале!
Синева – до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!
А потом – через ночь – костром
Ростопчинским! – в очах красно
От бузинной пузырьчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь
Бузины – до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде слаще яда!
Кумача, сургуча и ада –
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови вкус.
Бузина казнена, казнена!
Бузина – целый сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых –
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца – твоей, моей...
А потом – водопад зерна,
А потом – бузина черна:
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой,
Возле дома, который пуст,
Одинокий бузинный куст.
Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!
Степь – хунхузу, Кавказ – грузину,
Мне – мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...
Новоселы моей страны!
Из-за ягоды – бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день – ночьюми...),
Яда – всосанного очьми...
Бузина багорова, багорова!
Бузина – целый край забрала
В лапы. Детство мое у власти.
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь – бузиной
Назвала...

11 сентября 1931,

Медон 21 мая 1935, ване

Стихи к сыну

1. «Ни к городу и ни к селу...»

Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну, –
В край – всем краям наоборот! –
Куда назад идти – вперед
Идти, – особенно – тебе,
Руси не выдывавшее
Дитя мое... Мое? Ее –
Дитя! То самое былёе,
Которым порастает былёе.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Землицу, стершуюся в пыль,
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
«Русь – этот прах, чти – этот прах!»
От неиспытанных утрат –
Иди – куда глаза глядят!
Всех стран – глаза, со всей земли –
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.
Да не поклонимся словам!
Русь – прадедам, Россия – нам,
Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS.
Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой – вперед –
В свой край, в свой век, в свой час, – от нас –
В Россию – вас, в Россию – масс,
В наш-час – страну! в сей-час – страну!
В на-Марс – страну! в без-нас – страну!
Январь 1932

2. «Наша совесть – не ваша совесть!..»

Наша совесть – не ваша совесть!
Полно! – Вольно! – О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.
Соляное семейство Лота –
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом –
Градом. С братом своим не дравшись –
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,
Наш грех, наш крест, наш спор, наш –
Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь –
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас
Не было! по плодам – и видом
Не видали! Поймите: слеп –
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб
Ест, и вам его даст, – как скоро
Из Медона – да на Кубань.
Наша ссора – не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань
Дней своих.
Январь 1932

3. «Не быть тебе нулем...»

Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту – спортсмедным
Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют, –
В сём полагая цель.
Ибо в любую щель –
Я – с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.
Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, –
Нет, ни одним из тех,

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дописанных, как лист,
Которым – только смех
Остался, только свист
Достался от отцов!
С той стороны весов
Я – с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.
Но также – ни одним
Из нас, досадных внукам!
Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – порукой –
я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом!
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом
Страны своей.
22 января 1932

Родина
О неподатливый язык!
Чего бы попросту – мужик,
Пойми, певал и до меня:
– Россия, родина моя!
Но и с калужского холма
Мне открывалась она –
Даль – тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!
Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
даль – всю ее с собой несу!
Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»
Со всех – до горних звезд –
Меня снимающая мест!
Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.
Ты! Сей руки своей лишусь, –
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля –
Гордыня, родина моя!
12 мая 1932

«Никуда не уехали – ты да я...»
Никуда не уехали – ты да я –
Обернулись прорехами – все моря!
Совладельцам пятерки рваной –
Океаны не по карману!
Нищеты вековечная сухомять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море – мелью:
Наше лето – другие съели!
С жиру лопающиеся: жир – их «лоск»,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш – в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!
Нами – лакомящиеся: франк – за вход.
О, урод, как водой туалетной – рот
Сполоснувший – бессмертной песней!
Будьте прокляты вы – за весь мой
Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, –
Пятью пальцами – да от всех пяти
Чувств – на память о чувствах добрых –
Через все вам лицо – автограф!
1932–1935

Стол
1. «Мой письменный верный стол!..»
Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.
Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез –
Спасибо – что нес и нес.
Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
– Соблазнам мирским порог –
Всем радостям поперек,
Всем низостям – наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды – всему, всему.
Мой заживо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных – большал, ширел,
Так ширился, до широт –
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
– Меня заливал, как шtrand!
К себе пригвоздив чуть свет –
Спасибо за то, что – вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах –
Беглянку.
– Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал – как маг –
Сомнамбулу.
Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!
Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп!
Так будь же благословен –
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, – как пила
В грудь вьевшийся – край стола!
Июль 1933

2. «Тридцатая годовщина...»

Тридцатая годовщина
Союза – верней, любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты – мои,
Которых – не ты ли – автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету – завтра,
Что только сегодня – есть.
И деньги, и письма с почты –
Стол – сбрасывавший – в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня – последний срок.
Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат –
Дурищу – да на тебя ж!

3. «Тридцатая годовщина...»

Тридцатая годовщина
Союза – держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы –
Малейшую из зазубрин!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Зубами – коль стих не шел!)
Да, был человек возлюблен!
И сей человек был – стол
Сосновый. Не мне на всхолмье
Березу берёг карел!
Порой еще с слезкой смольной,
Но вдруг – через ночь – старел,
Разумнел – так школьник дерзость
Сдаёт под мужской нажим.
Сажусь – еле доску держит,
Побьюсь – точно век дружим!
Ты – стоя, в упор, я – спину
Согнувши – пиши! пиши! –
Которую десятину
Вспахали, версту – прошли,
Покрыли: письмом – красивей
Не сыщешь в державе всей!
Не меньше, чем пол-России
Покрыто рукою сей!
Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрах,
Садовый, столовый – всякий,
Лишь бы не на трех ногах!
Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тезка – тот!
Бильярдный, базарный – всякий –
Лишь бы не сдавал высот
Заветных. Когда ж подастся
Железный – под локтевым
Напором, столов – богатство!
Вот пень: не обнять двоим!
А паперть? А край колодца?
А старой могилы – пласт?
Лишь только б мои два локтя
Всегда утверждали: – даст
Бог! Есть Бог! Поэт – устроичив:
Всё – стол ему, всё – престол!
Но лучше всего, всех стойче –
Ты, – мой наколенный стол!
Около 15 июля 1933
29 30 октября 1935
4. «Обидел и обошел?..»
Обидел и обошел?
Спасибо за то, что – стол
Дал, стойкий, врагам на страх
Стол – на четырех ногах
Упорства. Скорей – скалу
Своротись! И лоб – к столу
Под статный, и локоть под –
Чтоб лоб свой держать, как свод.
– А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой вес,
Просторный, – во весь мой бег,
Стол – вечный – на весь мой век!
Спасибо тебе, Столяр,
За доску – во весь мой дар,
За ножки – прочней химер
Парижских, за вещь – в размер.
5. «Мой письменный верный стол!..»
Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался – живым стволом!
С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами живой смолы,
С корнями до дна земли!
17 июля 1933

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
6. «Квиты: вами я объедена...»
Квиты: вами я объедена,
Мною – живописаны.
Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный.
Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.
Всяк на выбранном заранее –
«Много до рождения! –»
Месте своего деяния,
Своего радения:
Вы – с отрывками, я – с книжками,
С трюфелем, я – с грифелем,
Вы – с оливками, я – с рифмами,
С пикулем, я – с дактилем.
В головах – свечами смертными
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам – дорогою!
Табачку пыхнем гаванского
Слева вам – и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам – да саваном!
А чтоб скатертью не тратиться –
В яму, место низкое,
Вытряхнут <вас всех со скатерти>:
С крошками, с огрызками.
Каплуном-то вместо голубя
– Порх! – душа – при вскрытии.
А меня положат – голуую:
Два крыла прикрытием.
Конец июля 1933

Марина Цветаева, Аля, Сергей Эфрон. Чехия.

«Тоска по родине! Давно...»
Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.
Мне все равно, каких среди
Лиц ошетиливаться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведем без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!
Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...
3 мая 1934

Куст
1. «Что нужно кусту от меня?..»
Что нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечесьей, клянч
Которую – голову прячу
В него же (седей – день от дня!).
Сей мощи, и плечи, и гуши –
Что нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей!
А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б – тогда бы не цвел
Мне прямо в разверстую душу,
Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что, полная чаща куста,
Находишь на сем – месте пусте?
Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?
Чего не слышал (на ветвях
Молва не рождается в муках!),
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?
Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, –
Да разве я то говорю,
Что знала, пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну.
2. «А мне от куста – не шуми...»
А мне от куста – не шуми
Минуточку, мир человечесий! –
А мне от куста – тишины:
Той, – между молчаньем и речью.
Той, – можешь – ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.
Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.
Той – до всего, после всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну – шума ушного того,
Все соединилось в котором.
Как будто бы все кувшины
Востока – на лобное всхолмье.
Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь: полной.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Около 20 августа 1934

Сад
За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.
На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...
На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –
Прохладный сад...
Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица.
Без ни-души!
Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!
Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без ни-душка!
Без ни-души!
Скажи: довольно муки – на
Сад – одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
– Сад, одинокий, как ты Сам.
Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На ощущение души.

1 октября 1934
Челюскинцы
Челюскинцы! Звук –
Как сжатые челюсти.
Мороз из них прет,
Медведь из них щерится.
И впрямь челюстями
– На славу всемирную –
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!
На льдине (не то
что – черт его – нобиле!)
Родили – дите
И псов не угробили –
На льдине?
Зол
Доносит ко кабелю:
– На льдов произвол
Ни пса не оставили!
И спасши – мечта
Для младшего возраста! –
И псов и дитя
Умчали по воздуху.
– «Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый – полюсом!
А рядом – сердит
На громы виктории –
Второй уже Шмидт
В российской истории:
Седыми бровьми
Стесненная ласковость...
Сегодня – смеюсь!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сегодня – да здравствует
Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челюскинцы – русские!
3 октября 1934
«Человека защищать не надо...»
Человека защищать не надо
Перед Богом, Бога – от него.
Человек заслуживает ада.
Но и сада
Семиверстного – для одного.
Человек заслуживает – танка!
Но и замка
Феодального – для одного.
Осень 1934
«Есть счастливы и счастливыцы...»
Есть счастливы и счастливыцы,
Петь не могущие. Им –
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю – ливнем проливным!
Чтоб под камнем что-то дрогнуло,
Мне ж – призвание как плеть –
Меж стенания надгробного
Долг повелевает – петь.
Пел же над другом своим Давид,
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос
Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога лишним
Встав, – Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...
Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.
Ноябрь-декабрь 1934
«Двух станов не боец, а только гость случайный...»
Двух станов не боец, а – если гость случайный –
То гость – как в глотке кость, гость –
как в подметке гвоздь.
Была мне голова дана – по ней стучали
В два молота: одних – корысть и прочих – злость.
Вы с этой головы – к создателю чуду
Терпение мое, рабочее, прибавь –
Вы с этой головы – что требовали? – Блуда!
Дивясь на ответ упорный: обезглавь.
Вы с этой головы, уравненной – как гряды
Гор, вписанной в вершин божественный чертеж,
Вы с этой головы – что требовали? – Ряда.
Дивясь на ответ (безмолвный): обезножь!
Вы с этой головы, настроенной – как лира:
На самый высший лад: лирический...
– Нет, стой!
Два строя: Домострой – и Днепрострой – на выбор!
Дивясь на ответ безумный: – Лиры – строй.
И с этой головы, с лба – серого гранита,
Вы требовали; нас – люби! тех – ненавидь!
Не все ли ей равно – с какого боку битой,
С какого профиля души – глушимой быть?
Бывают времена, когда голов – не надо.
Но слово низводить до свеклы кормовой –
Честнее с головой Орфеевой – менады!
Иродиада с Иоанна головой!
– Ты царь: живи один... (Но у царей – наложниц
Минута.) Бог – один. Тот – в пустоте небес.
Двух станов не боец: судья – истец – заложник –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Двух – противубоец! Дух – противубоец.

25 октября 1935

Читатели газет

Ползет подземный змей,

Ползет, везет людей.

И каждый – со своей

Газетой (со своей

Экземой!) Жвачный тик,

Газетный костоед,

Жеватели мастик,

Читатели газет.

Кто – чтец? Старик? Атлет?

Солдат? – Ни черт, ни лиц,

Ни лет. Скелет – раз нет

Лица: газетный лист!

Которым – весь Париж

С лба до пупа одет.

Брось, девушка!

Родишь –

Читателя газет.

Кача – «живет с сестрой» –

ются – «убил отца?» –

Качаются – тцетой

Накачиваются.

Что для таких господ –

Закат или рассвет?

Глотатели пустот,

Читатели газет!

Газет – читай: клевет,

Газет – читай: растрат.

Что ни столбец – навет,

Что ни абзац – отврат...

О, с чем на Страшный суд

Предстанете: на свет!

Хвататели минут,

Читатели газет!

– Пошел! Пропал! Исчез!

Стар материнский страх.

Мать! Гуттенбергов пресс

Страшней, чем Шварцев прах!

Уж лучше на погост, –

Чем в гнойный лазарет

Чесателей корост,

Читателей газет!

Кто наших сыновей

Гноит во цвете лет?

Смесители кровей,

Писатели газет!

Вот, други, – и куда

Сильней, чем в сих строках! –

Что думаю, когда

С рукописью в руках

Стою перед лицом

– Пустее места – нет! –

Так значит – нелицом

Редактора газетной нечисти.

Ване, 1 15 ноября 1935

Деревья

Мятущийся куст над обрывом –

Смятение уст под наплывом

Чувств...

Кварталом хорошего тона –

Деревья с пугливым наклоном

(Клонились – не так – над обрывом!)

Пугливым, а может – брезгливым?

Мечтателя – перед богатым –

Наклоном. А может – отвратом

От улицы: всех и всего там –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Курчавых голов отворотом?
От девушек – сплошь без стыда,
От юношей – то ж – и без лба:
Чем меньше – тем выше заносят!
Безлобых, а завтра – безносых.
От тресков, зовущихся: речь,
От лака голов, ваты плеч,
От отроков – листьев новых
Не видящих из-за листовок,
Разрываемых на разрыв.
Так и лисы в лесах родных,
В похотливый комок смешаюся, –
Так и лисы не рвали мяса!
От гвалта, от мертвых лис –
На лисах (о смертный рис
На лицах!), от свалки потной
Деревья бросаются в окна –
Как братья-поэты – в реку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою – о железо
Все руки себе порезав –
Деревья, как взломщики, лезут!
И выше! За крышу! За тучу!
Глядите – как собственных сучьев
Хроматикой – почек и птичек –
Деревья, как смертники, кличут!
(Был дуб. Под его листвою
Король восседал...)
– Святой
Людовик – чего глядишь?
Погиб – твой город Париж!
27 ноября 1935
Савойские отрывки
< 1 > «В синее небо ширя глаза...»
В синее небо ширя глаза –
Как восклицаешь: – Будет гроза!
На проходимца вскинувши бровь –
Как восклицаешь: – Будет любовь!
Сквозь равнодушья серые мхи –
Так восклицаю: – Будут стихи!
Сентябрь 1936
«Были огромные очи...»
Были огромные очи:
Очи созвездья Весы,
Разве что Нила короче
Было две черных косы.
Ну, а сама меньше можного!
Все, что имелось длины
В косы ушло – до подножия,
В очи – двойной ширины
Если сама – меньше можного.
Не пожалеть красоты –
Были ей Богом положены
Брови в четыре версты:
Брови – зачесывать за уши
..... Задушу
Хату ресницами мечь...
Нет, не годится!.....
Страшно от стольких громад!
Нет, воспоем нашу девочку
На уменьшительный лад
За волосочек – по рублику!
Для довершенья всего –
Губки – крушенья Республики
Зубки – крушенья всего...
Жуть, что от всей моей Сонечки
Ну – не осталось ни столечка:
В землю зарыть не смогли –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сонечку люди – сожгли!

Что же вы с пеплом содеяли?

В урну – такую – ее?

Что же с горы не развеяли

Огненный пепел ее?

30 сентября 1937

Стихи к чехии

Сентябрь

1. «Полон и просторен...»

Полон и просторен

Край. Одно лишь горе:

Нет у чехов – моря.

Стало чехам – море

Слёз: не надо соли!

Запаслись на годы!

Триста лет неволи,

Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей –

Божьей, человеческой,

Двадцать лет величья,

Двадцать лет наречий

Всех – на мирном поле

Одного народа.

Триста лет неволи,

Двадцать лет свободы –

Всем. Огня и дома –

Всем. Игры, науки –

Всем. Труда – любому –

Лишь бы были руки.

На поле и в школе –

Глянь – какие всходы!

Триста лет неволи,

Двадцать лет свободы.

Подтвердите ж, гости

Чешские, все вместе:

Сеялось – всей горстью,

Строилось – всей честью.

Два десятилетия

(да и то не целых!)

Как нигде на свете

думалось и пелось.

Посерева от боли,

Стонут Влтавы воды:

– Триста лет неволи,

Двадцать лет свободы.

На орлиных скалах

Как орел рассевшись –

Что с тобою случилось –

Край мой, рай мой чешский?

Горы – откололи,

Оттянули – воды...

...Триста лет неволи,

Двадцать лет свободы.

В селах – счастье ткалось

Красным, синим, пестрым.

Что с тобою случилось,

чешский лев двуххвостый?

Лисы побороли

леса воеводу!

Триста лет неволи,

Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,

лес, и слушай, Влтава!

Лев рифмует с гневом,

Ну, а Влтава – слава.

Лишь на час – не боле –

Вся твоя невзгода!

Через ночь неволи

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Белый день свободы!

12 ноября 1938

2. «Горы – турам поприще!..»

Горы – турам поприще!

Черные леса,

Долы в воды смотрятся,

Горы – в небеса.

Край всего свободнее

И щедрей всего.

Эти горы – родина

Сына моего.

Долы – ланям пастбище,

Не смутить зверья –

Хата крышей застится,

А в лесу – ружья –

Сколько бы ни пройдено

Верст – ни одного!

Эти долы – родина

Сына моего.

Там растила сына я,

И текли – вода?

Дни? или гусиные

Белые стада?

...Празднует смородина

Лета рождество.

Эти хаты – родина

Сына моего.

Было то рождение

В мир – рождением в рай.

Бог, создав Богемию,

Молвил: «Славный край!

Все дары природные.

Все – до одного!

Пощеднее родины

Сына – Моего!»

Чешское подземие:

Брак ручьев и руд!

Бог, создав Богемию,

Молвил: «Добрый труд!»

Все было – безродного

Лишь ни одного

Не было на родине

Сына моего.

Прокляты – кто заняли

Тот смиренный рай

С тайнами и с ланями,

С перьями фазаными...

Трекляты – кто продали,

Век не прощены! –

Вековую родину

Всех, – кто без страны!

Край мой, край мой, проданный

Весь живьем, с зверьем,

С чудо-огородами,

С горными породами,

С целыми народами,

В поле, без жилья,

Стонущими:

– Родина!

Родина моя!

Богова! Богемия!

Не лежи, как пласт!

Бог давал обеими –

И опять подаст!

В клятве – руку подняли

Все твои сыны –

Умереть за родину

Всех – кто без страны!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Между 12 и 19 ноября 1938

3. «Есть на карте – место...»

Есть на карте – место:
Взглянешь – кровь в лицо!
Бьется в муке крестной
Каждое сельцо.
Поделил – секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: все проест!
От крыльца – до статных
Гор – до орльих гнезд –
В тысячи квадратных
Невозвратных верст –
Язва.

Лег на отдых –
Чех: живым зарыт,
Есть в груди народов
Рана: наш убит!
Только край тот назван
Братский – дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.
Жир, Иуду – чествуй!
Мы ж – в ком сердце – есть
Есть на карте место
Пусто: наша честь.
19 22 ноября 1938

4. ОДИН ОФИЦЕР

В Судетах, на лесной чешской
границе, офицер с 20-тью солда –
тами, оставив солдат в лесу,
вышел на дорогу и стал стрелять
в подходящих немцев. Конец его
неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок –
Самый лесной.
Год – девятьсот
Тридцать восьмой.
День и месяц? – вершины, эхом:
– День, как немцы входили к чехам!
Лес – красноват.
День – сине-сер.
Двадцать солдат,
Один офицер.
Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.
Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой – этот дом.
Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам,
Пяди не сдам!
Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?
Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой – этот край!
Пусть целый край
К вражьим ногам!
Я – под ногой –
Камня не сдам!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Топот сапог.
– Немцы! – листок.
Грохот желез.
– Немцы! – весь лес.
– Немцы! – раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат
Один – офицер.
Из лесочку – живым манером
На громаду – да с револьвером!
Выстрела треск.
Треснул – весь лес!
Лес: рукоплеск!
Весь – рукоплеск!
Пока пулями в немца хлещет –
Целый лес ему рукоплещет!
Кленом, сосной,
Хвоей, листвою,
Всею сплошной
Чащей лесной –
Понесена
Добрая весть,
Что – спасена
Чешская честь!
Значит – страна
Так не сдана,
Значит – война
Все же – была!
– Край мой, виват!
– Выкуси, герр!
..Двадцать солдат.
Один офицер.
Октябрь 1938 17 апреля 1939
< 5 > Родина радия
Можно ль, чтоб века
Бич слепоок
Родину света
Взял под сапог?
Взглянь на те горы!
В этих горах –
Лучшее найдено:
Родина – радия.
Странник, всем взором
Глаз и души
Взглянь на те горы!
В сердце впиши
Каждую впадину:
Родина – радия...
<1938 1939>
Март
1 Колыбельная
В оны дни певала дрема
По всем селам-деревням:
– Спи, младенец! Не то злomu
Псу-татарину отдам!
Ночью черной, ночью лунной –
По Тюрингии холмам:
– Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!
Днесь – по всей стране богемской
Да по всем ее углам:
– Спи, богемец! Не то немцу,
Пану Гитлеру отдам!
28 марта 1939
2 Пепелище
Налетевший на град Вацлава –
Так пожар пожирает траву...
Поигравший с богемской гранью! –

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Так зола засыпает зданья,
 Так метель заметает вехи...
 От Эдема – скажите, чехи! –
 Что осталось? – Пепелище.
 – Так Чума веселит кладбище!
 Налетевший на град Вацлава –
 – Так пожар пожирает траву...
 Объявивший – последний срок нам:
 Так вода подступает к окнам.
 Так зола засыпает зданья...
 Над мостами и площадями
 Плачет, плачет двуххвостый львище...
 – Так Чума веселит кладбище!
 Налетевший на град Вацлава
 – Так пожар пожирает траву –
 Задушивший без содраганья –
 Так зола засыпает зданья:
 – Отзовись, живые души!
 Стала Прага – Помпеи глуше:
 Шага, звука – напрасно шлем...
 – Так Чума веселит кладбище!
 3 БАРАБАН
 По богемским городам
 Что бормочет барабан?
 – Сдан – сдан – сдан
 Край – без славы, край – без бою.
 Лбы – под серую золою
 Дум – дум – дум...
 – Бум!
 Бум!
 Бум!
 По богемским городам –
 Или то не барабан
 (Горы ропщут? Камни шепчут?)
 А в сердцах смиренных чешских –
 Гне – ва
 Гром:
 – Где
 Мой
 Дом?
 По усопшим городам
 Возвещает барабан:
 – Вран! Вран! Вран
 Завелся в Градчанском замке!
 В ледяном окне – как в рамке
 (Бум! бум! бум!)
 Гунн!
 Гунн!
 Гунн!
 30 марта 1939
 4 Германии
 О, дева всех румянее
 Среди зеленых гор –
 Германия!
 Германия!
 Германия!
 Позор!
 Полкарты прикарманила.
 Астральная душа!
 Встарь – сказками туманила,
 Днесь – танками пошла.
 Пред чешскою крестьянкою –
 Не опускаешь вежд,
 Прокатываясь танками
 По ржи ее надежд?
 Пред горестью безмерною
 Сей маленькой страны,
 Что чувствуете, Германы:

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Германии сыны??

О мания! О – мумия

Величия!

Сгоришь,
Германия!

Безумие,

Безумие

Творишь!

С объятьями удавими

Расправится силач!

За здоровье, Моравия!

Словакия, словачь!

В хрустальное подземие

Уйдя – готовь удар:

Богемия!

Богемия!

Богемия!

Наздар!

9 10 апреля 1939

5 Март

Атлас – что колода карт:

В лоск перетасован!

Поздравляет – каждый март:

– С краем, с паем с новым!

Тяжек мартовский оброк:

Земли – цепи горны –

Ну и карточный игрок!

Ну и стол игорный!

Полны руки козырей:

В ордена одетых

Безголовых королей,

Продувных – валетов.

– Мне и кости, мне и жир!

Так играют – тигры!

Будет помнить целый мир

Мартовские игры.

В свои козыри – игра

С картой европейской.

(Чтоб Градчанская гора –

да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло

Пули: дули пражской.

Прага – что! и Вена – что!

На Москву – отважься!

Отольются – чешский дождь.

Пражская обида,

– Вспомни, вспомни, вспомни, вождь, –

Мартовские Иды!

22 апреля 1939

6 Взяли...

Чехи подходили к немцам и плевали.

(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали – скоро и брали – щедро:

Взяли горы и взяли недра,

Взяли уголь и взяли сталь,

И свинец у нас, и хрусталь,

Взяли сахар и взяли клевер,

Взяли Запад и взяли Север,

Взяли улей и взяли стог,

Взяли Юг у нас и Восток.

Вары – взяли и Татры – взяли,

Взяли близи и взяли дали,

Но – большее, чем рай земной! –

Битву взяли – за край родной.

Взяли пули и взяли ружья,

Взяли руды и взяли дружбы...

Но покамест во рту слюна –

вся страна вооружена!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

9 мая 1939

7 лес

Видел, как рубят? Руб –
Рубом! – за дубом – дуб.
Только убит – воскрес!
Не погибает – лес.
Так же, как мертвый лес
Зелен – минуточку чрез! –
(Мох – что зеленый мех!)
Не погибает – чех.

9 мая 1939

8 «О, слезы на глазах!..»
О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!
О, черная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

15 марта 11 мая 1939

9 «Не бесы – за иноком...»
Не бесы – за иноком,
Не горе – за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения, –
Не красный пожар лесной,
Не заяц – по зарослям,
Не ветлы – под бурю, –
За фюрером – фурии!

15 мая 1939

10 Народ

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
– Народ! Какой народ!
Народ – такой, что и поэт –
Глашатай всех широт, –
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит – такой народ!
Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать, –
Измором взять такой народ?
Гранит – измором взять!
(Сидит – и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт – горит! –
Гранат, творит – магнит.)
...Что радий из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым – Европы посреди –
Зарыть такой народ?
Бог! Если ты и сам – такой,
Народ моей любви
Не со святыми упокой –
С живыми оживи!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

20 мая 1939

11 «Не умрешь, народ!..»

Не умрешь, народ!

Бог тебя хранит!

Сердцем дал – гранат,

Грудью дал – гранит.

Процветай, народ, –

Твердый, как скрижаль,

Жаркий, как гранат,

Чистый, как хрусталь.

Париж, 21 мая 1939

< 12 > «Молчи, богемец! Всему конец!..»

Молчи, богемец! Всему конец!

Живите, другие страны!

По лестнице из живых сердец

Германец входит в Градчаны.

Отой басне не верит сам:

– По ступеням как по головам.>

– Конным гунном в Господень храм! –

По ступеням, как по черепам..

<1939>

< 13 > «Но больнее всего, о, памятной...»

Но больнее всего, о, памятной

И граната и хрусталя –

Всего более сердце ранят мне

Эти – маленькие! – поля,

Те дороги – с большими сливами

И большими шагами – вдоль

Слив и нив...

<1939>

Douce France[9]

Adieu, France!

Adieu, France!

Adieu, France!

Marie Stuart[10]

Мне Францией – нету

Нежнее страны –

На долгую память

Два перла даны.

Они на ресницах

Недвижно стоят.

Дано мне отплыть

Марии Стюарт.

5 июня 1939

Марина Цветаева. Одна из последних фотографий 1940 г.

СССР

«Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!..»

Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!

Круг – вокруг головы.

Но и под мехом – неги, под пухом

Гаги – дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой

– В гнезд, в звезд черноте –

Как ни кружи вас, как ни баюкай

– Ах! – бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет

Червь (бедные мы!).

Не народился еще, кто вложит

Перст – в рану Фомы.

7 января 1940

«Ушел – не ем...»

Ушел – не ем:

Пуст – хлеба вкус.

Все – мел.

За чем ни потянусь.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

...Мне хлебом был,
И снегом был,
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

«– Пора! для этого огня...»

– Пора! для этого огня –
Стара!

– Любовь – старей меня!

– Пятидесяти январей

Гора!

– Любовь – еще старей:

Стара, как хвощ, стара, как змей,

Старей ливонских янтарей,

Всех привиденских кораблей

Старей! – камней, старей – морей...

Но боль, которая в груди,

Старей любви, старей любви.

23 января 1940

«Не знаю, какая столица...»

Не знаю, какая столица:

Любая, где людям – не жить.

Девчонка, раскинувшись птицей,

Детеныша учит ходить.

А где-то зеленые Альпы,

Альпийских бубенчиков звон...

Ребенок растет на асфальте

И будет жестоким – как он.

1 июля 1940

«Пора снимать янтарь...»

Пора снимать янтарь

Пора менять словарь,

Пора гасить фонарь

Наддверный...

Февраль 1941

«Все повторяю первый стих...»

«Я стол накрыл на шестерых...»

Все повторяю первый стих

И все переправляю слово:

– «Я стол накрыл на шестерых»...

Ты одного забыл – седьмого.

Невесело вам вшестером.

На лицах – дождевые струи...

Как мог ты за таким столом

Седьмого позабыть – седьмую...

Невесело твоим гостям,

Бездействует графин хрустальный.

Печально – им, печален – сам,

Непозванная – всех печальней.

Невесело и несветло.

Ах! не едите и не пьете.

– Как мог ты позабыть число?

Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,

Что шестеро (два брата, третий –

Ты сам – с женой, отец и мать)

Есть семеро – раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,

Но шестерыми мир не вымер.

Чем пугалом среди живых –

Быть призраком хочу – с твоими,

(Своими)...

Робкая как вор,

О – ни души не задевая! –

За непоставленный прибор

Сажусь незваная, седьмая.

Раз! – опрокинула стакан!

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И все, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.
И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.
..никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и все же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю.
6 марта 1941

Примечания

Наследие Марины Цветаевой обширно и разнолико: лирика, поэмы, драматические сочинения в стихах, проза, мемуарные очерки, эссеистика, критические статьи. Она – выдающийся переводчик поэзии (на русский с французского, немецкого, других языков, и с русского на французский). Высокая духовно-художественная стихия пронизывает ее письма, дневники, рабочие записи.

В настоящую книгу вошли избранные стихотворения поэта. Они расположены в хронологическом порядке, в трех разделах: «Россия» – произведения, написанные на родине с 1909 по 1922 год; «После России» – стихотворения, созданные в эмиграции с 1922 по 1939 год; «СССР» – немногочисленные работы 1940–1941 годов. Некоторые стихотворения остались незавершенными, в таком виде они и печатаются.

В Примечаниях использованы материалы Л. А. Мнухина, А. А. Саакянц, А. И. Цветаевой, А. С. Эфрон.

Стихотворные тексты печатаются по изданию: Цветаева Марина. Собрание сочинений: В 7 томах. Т. 1, 2. Москва: Эллислак, 1994.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Писать стихи Цветаева начала с шести лет, печататься – с шестнадцати. Будучи гимназисткой, Марина Цветаева издала первый поэтический сборник «Вечерний альбом» (1910 г.; 500 экз.). На него откликнулись В. Брюсов, М. Волошин, Н. Гумилев. Они отметили детскость, незрелость и неопытность юной поэтессы, но отзывы в целом можно назвать доброжелательными. Спустя два года вышла вторая книга, «Волшебный фонарь». На этот раз отзывы были гораздо критичнее: С. Городецкий озаглавил свою рецензию «Женское рукоделие», Гумилев назвал книгу «подделкой». В 1913 году М. Цветаева выпускает небольшое избранное «Из двух книг».

Из стихотворений, написанных в 1913–15 гг., Цветаевой был составлен сборник под названием «Юношеские стихи», однако он так и не вышел в свет. В последующие годы она печаталась в таких изданиях, как «Альманах муз» и «Северные записки».

Зрелая цветаевская поэзия 1916–20 гг. вошла в подготовленный сборник «Версты». Но в результате книгоиздательских трудностей того времени лишь небольшая часть этого сборника вышла двумя книгами: «Версты» (1921) и «Версты. Выпуск 1» (1922).

Последней книгой Цветаевой, выпущенной в Москве, была драма «Конец Казановы» (1922).

Домики старой Москвы – «Грузные, в шесть этажей...» – Стихотворение оказалось пророческим: на месте ее родного дома в Трехпрудном переулке в конце концов «...построили, не зная, что строят, по предсказанию Марины, – дом в шесть этажей...» (А. Цветаева. «Воспоминания»).

В. Я. Брюсову – Брюсов дважды критически отзывался о книгах Цветаевой. Стихотворение – отклик на рецензию Брюсова на сборник «Волшебный фонарь». Цветаевой принадлежит рецензия на поэтический сборник Брюсова «Пути и перепутья» – «Волшебство в стихах Брюсова» и мемуарный очерк «Герой труда».

Встреча с Пушкиным – Мариула – персонаж поэмы Пушкина «Цыганы».

Генералам двенадцатого года – Тучков-четвертый А. А. (1777–1812) – погибший в Бородинском сражении генерал-майор, с чьим изображением на карандашной коробке, по свидетельству дочери, Цветаева не расставалась многие годы.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Бабушке – Стихотворение посвящено бабушке Цветаевой – А. А. Мейн (1841–1869), урожденной Бернацкой, польке по происхождению.

Германии – Стихотворение – ответ шовинистическим и германофобским настроениям, поднявшимся в связи с началом Первой мировой войны. Лорелей (Лорелея) – в немецком фольклоре фея, хозяйка подводного царства на реке Рейн.

«Мне нравится, что вы больны не мной...» Стихотворение обращено к М. А. Минцу (1886–1917), впоследствии ставшему мужем сестры Цветаевой – Анастасии.

«Никто ничего не отнял!..» Стихотворение к О. Э. Мандельштаму. С Мандельштамом Цветаева познакомилась в 1915 г., впоследствии он гостил у нее в Москве и Александрове. «Что вам, молодой Державин...» – по определению Цветаевой, высоко ценившей поэзию Мандельштама, на ней лежит след «Десницы Державина». Помимо нескольких стихотворений (см. комментарий к циклу «Стихи о Москве»), о Мандельштаме написан также очерк «История одного посвящения». Мандельштамом были созданы три стихотворения, обращенных к Цветаевой: «Не веря воскресенья чуду...», «На розвальнях, уложенных соломой...», «В разноголосице девического хора...». Позднее он отзывался о ее поэзии как о «псевдопопулистской, псевдорусской».

Стихи о Москве – Цветаева родилась и провела в Москве большую часть жизни; образы родного города занимают огромное место в ее творчестве.

1. «Облака вокруг...» – Обращено к старшей дочери Ариадне Эфрон (1912–1975).

2. «Из рук моих нерукотворный град...» Как и следующее стихотворение, обращено к Мандельштаму и содержит описание совместных прогулок по Москве. Спасские... ворота – ворота в Кремле. Часовня звездная – Иверская часовня, стоявшая недалеко от Кремля. Пятисоборный круг – площадь в Кремле с пятью соборами. Нечаянныя радости – церковь в Кремле.

7. «Семь холмов как семь колоколов...» ...Иоанна родилась Богослова – день рождения Цветаевой, 26 сентября, по церковному календарю приходится на день памяти Иоанна Богослова.

8. «Москва! Какой огромный...» Младенец Пантелеймон – святой-исцелитель, на иконах изображаемый отроком. Иверское сердце, / Червонное... – имеется в виду икона Иверской Божьей Матери в окладе червонного золота.

Стихи к Блоку – Цветаева преклонялась перед поэзией и личностью Блока, называла его «явным торжеством духа» и «сплошной совестью». «Я в жизни – волей стиха – пропустила большую встречу с Блоком... сама легкомысленно наколдовала: «и руками не потянусь»...» – писала она в письме Пастернаку (февраль 1923 г.). Она видела Блока лишь во время его выступлений в Москве 9 и 14 мая 1920 г. Тогда же Блоку были переданы посвященные ему стихи. Впоследствии она писала: «...Блок читал мои стихи. С) Прочел молча – читал долго – и потом такая до-олгая улыбка.»

I. «Имя твое птица в руке...» Имя твое – пять букв – имеется в виду написание по старой русской орфографии, с твердым знаком на конце слова.

3. «Ты проходишь на Запад Солнца...» Свете тихий. Свет вечерний – слова из молитвы «Свете тихий» («Пришедшие на Запад солнца, видевшие свет вечерний...»).

5. «У меня в Москве купола горят!..» И гробницы в ряд у меня стоят – имеется в виду усыпальница русских царей в Архангельском соборе Кремля.

9. «Как слабый луч сквозь черный морок адов...» Под рокот рвущихся снарядов – в день выступления Блока в Политехническом музее 9 мая 1920 г. в Москве взорвались артиллерийские склады.

II. «Останешься нам иноком...» Крест на Смоленском кладбище – первоначально прах поэта был захоронен на Смоленском кладбище в Петрограде. (Впоследствии – перенесен на Волкове кладбище.)

12. «Друга его не тревожьте его...» Царство мое не от мира сего – слова Христа из Евангелия.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
15. «Без зова, без слова...» – Проспишь до трубы – т. е. до Страшного суда, куда, согласно Библии, ангелы «трубным гласом» созовут живых и мертвых.

16. «Как сонный, как пьяный...» Обратным ущельем Аида – Согласно древнегреческому мифу об Орфее и Эвридику, Орфей, спустившись в Аид (царство мертвых), чтобы вывести оттуда Эвридику, нарушил правило – не оглядываться, вследствие чего навсегда ее потерял. Вдоль сонного Гебра / Плыла голова – далее Орфей был растерзан вакханками, бросившими его голову и лиру в реку Гебр.

17. «Так, Господи! И мой обол...» Обол монета (древнегр.). Прими на утверждены: храма – имеется в виду евангельская притча о вдове, положившей монету в сокровищницу Иерусалимского храма.

«Много тобой пройдено...» Обращено к Блоку.

Ахматовой – Цветаева восторженно отнеслась к поэзии Ахматовой, прочитав ее первый сборник «Вечер». «Ахматова пишет о себе – о вечном... не написав ни единой отвлеченно-общественной строчки, глубже всего – через описание пера на шляпе – передает потомкам свой век...» (запись 1917 г.). В 1940 г. Цветаева более сдержанна: «Но что она делала с 1917 по 1940 гг.? Внутри себя... Жаль.» Встретиться им довелось лишь в 1941 г. (7 и 8 июня).

2. «Охватила голову и стою...» ...именем назвала / Царскосельской музы – Ахматова выросла в Царском селе и посвятила ему многие стихотворения.

8. «На базаре кричал народ...» Сергей-Троица – Троице-Сергиева лавра под Москвой. Богородицею хлыстовскою – Хлысты – раскольничья секта.

«Белое солнце и низкие, низкие тучи...» Стихотворение навеяно проводами солдат на войну, которые Цветаева наблюдала в 1916 г. в г. Александрове Владимирской губернии.

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» У того, с которым Иаков стоял в ночи – По библейскому преданию, к патриарху Иакову трижды являлся Бог.

Без Бога, без хлеба, без крова...» Хиос и Смирна – города на берегу Эгейского моря.

Москве

1. «Когда рыжеволосый Самозванец...» Самозванец – Лжедмитрий I. Боярыня Морозова – Феодосия Морозова, предпочла ссылку принятию обета новой веры.

2. «Гришка-Вор тебя не ополячил...» ...Вор прозвище Лжедмитрия I (Григория Отрепьева).

Дон

1. «Белая гвардия, путь твой высок...» Вандея место, где потерпели последнее поражение от революционных войск силы, верные монархии в годы Великой французской революции.

«Не самозванка я пришла домой...» Твой день седьмой – согласно Библии, Бог создал человека на седьмой день. Психея – в греческой мифологии олицетворение души, дыхания. Часто представлялась в виде бабочки или птицы.

«Свинцовый полдень деревенский...» Как – древле – девушка одна – подразумевается Жанна д'Арк.

«Я берег покидал туманный Альбиона...» – Посвящено Байрону. Альбион – старинное название Британии. Эллада – старинное название Греции, где погиб Байрон. Ада – дочь Байрона.

Памяти Стаховича – Стахович А. А. (1856–1919) – актер Московского художественного театра, преподававший студийцам уроки хороших манер. Образ Стаховича, помимо данного цикла стихов, использован Цветаевой в пьесе «Феникс»; о нем рассказывается в прозаическом произведении «Повесть о Сонечке»; кроме того, имеется дневниковый очерк «Смерть Стаховича».

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Тебе – через сто лет – Летейски воды – воды реки Леты, что, согласно древнегреческой мифологии, протекает в царстве мертвых.

С. Э. («Хочешь знать, как дни проходят...») Обращено к мужу Сергею Эфрону (1893–1941).

Але – Посвящено дочери Ариадне Эфрон.

1. «Когда-нибудь, прелестное создание...» Чердак-каюта – так Цветаева называет верхнюю часть своей двухэтажной квартиры в Борисоглебском переулке в Москве.

Психея – Навечно образом жены Пушкина, Натальи Гончаровой, которую в свете называли Психеею. Свое отношение к Гончаровой Цветаева выразила также в очерке «Наталья Гончарова».

Евреям – Роль еврейства в истории и, в частности, истории русской революции, по всей видимости, занимали Цветаеву в те годы. В частности, имеется дневниковая запись 1921 г.: «Аля: – Марина! Я подметала и думала о евреях. Тогда – из тысяч тысяч – поверил один, теперь – Ленину и Троцкому – на тысячу вряд ли один не поверит. / – Аля! Вся Библия – погоня Бога за народом. Бог гонится, евреи убегают». ...напрасно имя Гарри / на Генриха он променял. – Речь идет о Генрихе Гейне.

Петру – образу Петра I как родоначальника разрушительного большевизма противопоставлен образ свергнутой им сводной сестры Софьи. Ревнитель Ассамблей – по приказу Петра были заведены ассамблеи – собрания для светского времяпрепровождения, нарушившие привычный уклад боярского существования.

Большевик – Стихотворение имеет реального прототипа – красноармейца Б. А. Бессарабова (1897–1970), о нем также написана поэма «Егорушка».

Роландов рог – Роланд – герой французского эпоса «Песнь о Роланде». Карл – Карл Великий, господин Роланда, который, услышав затрубивший рог своего погибающего рыцаря, настиг врагов и отомстил за него.

Ученик – Цикл посвящен С. М. Волконскому (1860–1937), театральному деятелю и литератору, потомку известного декабриста. Цветаева познакомилась с ним в 1919 г.; дружба продолжалась и в эмиграции.

На его книгу «Родина» ею был опубликован отзыв «Кедр. Апология».

1. «Быть мальчиком твоим светлоголовым...» – Давид – царь Иудеи.

3. «Солнце Вечера добрее...» Песнопевец Аполлон, бог искусств в древнегреческой мифологии. Феб – одно из его имен.

4. «Пало прениже волн...» – Змия мудрей... / Голубя кротче. – Согласно Евангелию, Христос призывал апостолов быть мудрыми, как змеи, и простыми, как голуби.

«Душа, не знающая меры...» Хризалид драгоценный камень. Савонарола Джилармо – монах из Флоренции, осуждавший папство и преданный сожжению на костре (XV в.).

Марина – Цикл посвящен Марине Мнишек, польской дворянке, жене самозванцев, претендовавших на русский престол во времена Смуты.

1. «Быть голубкой его орлиной!..» Басманов – воевода, перешедший на сторону Лжедмитрия I и погибший, защищая его и Марину Мнишек.

2. «Трем самозванцам жена...» Мужьями Мнишек были Лжедмитрий I, Лжедмитрий II и атаман Заруц-кий. В маске дурацкой лежал, / С дудкой кровавой во рту. – на убитого (в 1606 г.) Лжедмитрия I была надета скоморошья маска с дудкой.

3. «– Сердце, измена!..» – Краткая встряска костей о плиты. – Лжедмитрий I выбросился из окна, когда войска Шуйского ворвались в Кремль.

4. «Грудь Ваша благоуханна...» Горсть неподдельных жемчужин. – Дары Лжедмитрия I Марине Мнишек, ставшей его невестой.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Разлука – Цикл посвящен мужу Сергею Эфрону. Когда создавался цикл, связь с Эфроном, покинувшим Россию с остатками Добровольческой армии, была потеряна.

4. «Тихонько...» – Топочет и ржет... /Крылатый...» – имеется в виду крылатый конь Пегас – символ поэзии.

«Два зарева! нет, зеркала!..» Обращено к поэту М. А. Кузмину, с которым Цветаева познакомилась в Петербурге (зимой 1915–1916 гг.), Кузмину посвящен мемуарный очерк «Нездешний вечер».

Вестнику – Стихотворение обращено к И. Г. Эренбург-гу, обещавшему, уезжая за границу, разыскать С. Эфрона и передать ему письмо.

Маяковскому – Цветаева высоко ценила творчество Маяковского и, по словам А. Эфрон, «...всю жизнь хранила... ему высокую верность собрата». Она была знакома с Маяковским приблизительно с 1918 г., впоследствии встречалась с ним во Франции. После его смерти ею был создан стихотворный цикл «Маяковскому»; кроме того, Цветаева подробно писала о нем в критическом очерке «Эпос и лирика современной России». Маяковский скеп – тически относился к поэзии Цветаевой, однако, по свидетельству А. Эфрон, это стихотворение ему нравилось.

Хвала Афродите

2. «Уже богов не те уже щедроты...» Венерины, летите голубки. – Голубь – один из атрибутов Венеры (Афродиты) – богини любви и красоты в античной мифологии.

3. «Тщетно, в ветвях заповедных роясь...» Пояс, мирт – атрибуты Венеры. ...стрелой... /Освободил меня твой же сын. – Сын Венеры – Амур (Эрот), мальчик, поражающий сердца людей стрелами.

4. «Сколько их, сколько их ест из рук...» Камень безрукий. – Имеется в виду статуя Венеры Милос – ской.

«Не ревновать и не клясть...» Чабров (Подгаец-кий) А. А. (ок. 1888 – ок. 1935) – актер и музыкант, в эмиграции стал католическим священником. Цветаева посвятила ему поэму «Переулочки».

«А и простор у нас татарским стрелам...» Алешеньки-то кровь, Ильи – речь о былинных богатырях Алеше Поповиче и Илье Муромце.

«Слезы на лисе моей облезлой!» Под «лисой» подразумевается старый воротник... людоедица с Поволжья... – имеется в виду массовый голод в Поволжье, возникший в начале 20-х годов. Степан – Степан Разин.

В эмиграции Цветаева прожила семнадцать лет: май-июль 1922 года в Берлине; с августа 1922 по октябрь 1925 в Чехии; с ноября 1925 по июнь 1939 во Франции. Несмотря на невероятные трудности, от духовно-нравственных до материально-бытовых, творчество Цветаевой этой поры отличается «ослепительной расточительностью» (выражение Георгия Адамовича): стихи, поэмы, драматические сочинения, проза, мемуарные очерки, эссе, статьи.

Стихотворения Цветаевой печатаются в различных периодических изданиях русского Зарубежья, альманахах и сборниках («Дни», «Последние новости», «Воля России», «Версты», «Современные записки...»). Она часто выступает с чтением стихов в различных литературных собраниях и на собственных авторских вечерах. В эти годы вышли поэтические книги Цветаевой: «Разлука», «Стихи к Блоку», «Царь-Девница» (1922); «Ремесло», «Психея» (1923) – в Берлине; «Молодец» (1925) – в Праге; «После России» (1928, последняя прижизненная книга стихов) – в Париже. Сочинения Цветаевой всегда вызвали оживленные и разноречивые отклики в литературной критике эмиграции. О ней писали А. Белый, В. Ходасевич, В. Вейдле, К. Мочульский, Д. Святополк-Мирский, М. Осоргин, Р. Гуль, Г. Иванов. Следует отметить, что даже «недрузи» Цветаевой, Адамович и Г. Иванов признавали значительность и единственность ее дарования. При всей пестроте и по-люсности суждений, к началу 30-х годов существовало некое общее убеждение (в эмиграции!), что Цветаева принадлежит к числу крупнейших русских поэтов эпохи. В изгнании равнозначными ей считались лишь Владислав Ходасевич и Георгий Иванов.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Многие работы Цветаевой этого времени долгие годы оставались рассеянными по малотиражным изданиям, либо неопубликованными.

Заводские – Стихотворения пронизаны впечатлениями от рабочего предместья Праги, где проживал Эфрон, к которому приехала Цветаева.

Хвала богатым – Как верблюды в иглу пролезли. – Имеется в виду изречение Христа: легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в рай.

Рассвет на рельсах – Знак: сорок человек / И восемь лошадей. – Обозначение нормы загрузки на стенах товарных вагонов.

Офелия в защиту королевы Федра в древнегреческой мифологии жена Тезея, влюбившаяся в своего пасынка Ипполита.

Поэты

1. «Поэт издали заводит речь...» Кант Иммануил – немецкий философ. В каменном гробу Бастилии... – Речь о французском поэте Андре Шенье, заключенном в знаменитую тюрьму Бастилию.

2. «Есть в мире лишние, добавочные...» Лепро-зариумов – т. е. лепрозориев, лечебниц для больных проказой. Иов – патриарх, которого Бог поразил проказой.

Так вслушиваются...

2. «Друг! Не кори меня за тот...» Велик / Бог – посему крутитесь!.. – согласно библейской легенде, царь Давид плясал перед святыней – Ковчегом Божиим.

Хвала Времени – Аренская (Завадская) В. А. (ок. 1895–1930) – соученица Цветаевой по гимназии, дружеские отношения с которой возобновились в эмиграции.

Рельсы – ...Пушкинское – сколько их, куда их... – строки из стихотворения Пушкина «Бесы». Женою Лота... / застывшие столбы. – Согласно библейскому преданию, жена Лота, нарушив запрет не оглядываться, покидая родной город, обернулась соляным столбом. Сафо – древнегреческая поэтесса, согласно легенде покончившая с собой из-за неразделенной любви.

Час души – Цикл обращен к критику Бахраху А. В. (1902–1985), которому Цветаева посвятила также еще ряд стихотворений.

1. «В глубокий час души и ночи...» ...волчицы римской / Взгляд... – По преданию, основатели Рима Ромул и Рем были вскормлены волчицей. ...дочь Египетская... – По библейскому преданию, дочь египетского фараона нашла будущего пророка Моисея, когда он младенцем плыл по реке в корзине.

2. «В глубокий час души...» Вега звезда в Северном полушарии.

3. «Есть час Души, как час Луны...»... струны / Давидовой сквозь сны / Сауловы... – По библейскому преданию, царь Саул был наказан Богом за непослушание: его преследовал злой дух.

«Древняя тцета течет по жилам...» Стикс в греческой мифологии, река в царстве мертвых.

Двое – В черновиках Цветаевой цикл посвящен Б. Пастернаку.

1. «Есть рифмы в мире сем...» ...Ахеи лучший муж... Сладостнейшая Спарты – Ахилл и Елена, герои «Илиады» Гомера.

2. «Не суждено, чтобы сильный с сильным...» Зигфрид с Брунгильдой – герои древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах». Брунгильда, мстя Зигфриду за измену, добивается его смерти, а затем убивает и себя. ...сын фетиды / С дочерью Аресовой... – Ахилл, являющийся сыном морской богини Фетиды, убил в бою царицу амазонок, дочь бога войны Ареса (Марса) Пенфе-зилею (прав. – Пенфесилея, Пентесилея), после чего, разглядев ее красоту, жалел об этом.

Попытка ревности – Синай – по Библии, гора, на которой Бог вручил Моисею

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru скрижали с десятью заповедями. Каррара – город, в Италии, где добывается лучший белый мрамор. Лилит – первая, до Евы, жена Адама.

«Жив, а не умер...» – Мир – это сцена. – Слова Шекспира (из комедии «Как вам это понравится»).

«Променявши на стремя...» Рейна.. клад – речь о кладе – «центр» сюжета первой части оперной тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов», которая носит название «Золото Рейна».

«Рас стояние: версты, мили...» Обращено к Пастернаку. Сокольники – парк в Москве. Тюлиерий-ский парк – парк в бывшей резиденции французских монархов.

«Русской ржи от меня поклон...» Обращено к Пастернаку.

«Брат по песенной беде...» – Посвящено памяти Сергея Есенина. Жить (конечно, не новей) – слова из предсмертного стихотворения Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

Маяковскому – Цикл – вызван смертью Маяковского.

2. «Литературная не в ней...» – Черновец – милюковцу. – Имеются в виду представители (В. Чернов и П. Милюков) соответственно партии эсеров и кадетов в эмиграции.

3. «В сапогах, подкованных железом...» Стапя-тидесяти... /Миллионного... – Намек на поэму Маяковского «150 000 000». ...про его Рольс-Ройсы – имеется в виду автомобиль, купленный поэтом за границей.

4. «И полушки не оставишь...» – Тоска – одноименная опера Джакомо Пуччини. По-шаховски – в данном случае – по-дворянски. Вертер – герой романа Гёте «Страдания юного Вертера», покончивший жизнь самоубийством из-за несчастной любви.

6. «Советским вельможей...» Сережа – Есенин. Старую Росту – плакаты телеграфного агентства «Окна РОСТА», к которым писал тексты Маяковский. Лъсан Александрыч – Блок. Федор Кузмич – Сологуб.

Стихи к Пушкину – Образ Пушкина занимает огромное место в творчестве Цветаевой. Помимо стихотворных произведений, известна ее прозаическое сочинение «Мой Пушкин». Кроме того, Цветаева переводила его стихи на французский язык.

1. «Бич жандармов, бог студентов...» В стихотворении использованы многочисленные цитаты из различных пушкинских стихотворений, а также факты из его биографии, взятые Цветаевой из книги В. Вересаева «Пушкин в жизни». Голубей олив...лоб – слова из стихотворения Пастернака «Вариация, 4», посвященного Пушкину.

2. Петр и Пушкин – Кнастер – сорт табака. Петро-диво – Санкт-Петербург. Ганнибал Абрам – африканский прадед Пушкина. Отныне я – цензор – Николай I лично взял на себя цензурирование пушкинских произведений. Измаил – согласно Библии, сын патриарха Авраама и его рабыни Агари. Василиск – сказочный змей, убивающий своим взглядом; здесь намек на «леденящий» взгляд Николая I. Был сослан в румынскую область. – Имеется в виду ссылка Пушкина в Кишинев. Сына убил... – Петр I, как известно, казнил своего сына, царевича Алексея.

3. (Станок) – Над цветком любви. – Имеется в виду черновой набросок стихотворения Пушкина «Цветок любви».

(Поэт и царь)

1(5). Потусторонним / Залом царей Имеется в виду существовавшая на территории Кремля галерея с портретами царей. Польского края / Зверский мясник. – Подразумевается подавленное восстание в Польше в 1831 г.

2(6). «Нет, бил барабан перед смутным полком...»

Перефразирование строки из стихотворения Ч. Вольфа «На погребение английского генерала сира Джона Мура» в известном переводе И. И. Козлова. Умнейшего мужа

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
России. – По словам Николая I, сказанным после встречи с Пушкиным, он общался «с
умнейшим человеком в России».

Ода пешему ходу

1. «В век сплошных скоропадских...» Скоропад-ский – здесь: временный,
недолговечный, как карьера одноименного политического деятеля (гетмана Украины).
...чванством / Распираемый торс! – Подразумевается французская реклама
автомобильных шин, изображавшая человечка на колесах.

2. «Вот он, грузов наспинных...» Форды, рольсы и ройсы – марки автомобилей. Змея
ветхая лесть! – т. е. дьявольское искушение (по Библии, искушил Еву дьявол в
образе змея). Опера и Мадлен – центральные районы Парижа.

3. «Дармоедством пресытаться...» ...прага – т. е. порога.

Бузина – Костром / Ростопчинским! – Москва, занятая французами в 1812 г., была
подожжена по распоряжению губернатора Ф. В. Ростопчина (1763–1826).

Стихи к сыну – Цикл посвящен сыну Георгию (1925–1944).

2. «Наша совесть не ваша совесть!..» Мед'он – парижское предместье, где
проживала семья Цветаевой.

3. «Не быть тебе нулем...» – Гальский петух – один из символов Франции.

Стол – Цикл написан Цветаевой к тридцатилетию своей творческой деятельности.

1. «Мой письменный верный стол!..» Штрандт морской берег, по-немецки. Морю толп
/ Еврейских – горящий столп! – Согласно Библии, во время исхода евреев из Египта
Бог указывал им путь в образе огненного столпа.

3. «Тридцатая годовщина...» Березу берёг карел. – Из карельской березы
производится дорогая мебель. Трех самозванцев в браке / Признавшая тезка –
Марина Мнишек.

4. «Обидел и обошел?..» – Парижские химеры – скульптуры, изображающие чудищ на
соборе Парижской Богоматери.

Куст

2. «А мне от куста – не шуми...» – Невнятицы Фауста второго. Имеется в виду вторая
часть «Фауста» Гете.

Челюскинцы – Стихотворение посвящено знаменитой экспедиции парохода «Челюскин»
по Северному морскому пути в 1933 г., во время которого он потерпел аварию.
Нобиле У. (1885–1978) – полярный исследователь из Италии. Родили дите. – Во
время экспедиции на пароходе родился ребенок. Эол – в древнегреческой мифологии
бог – повелитель ветров. Второй уже Шмидт – т. е. О. Ю. Шмидт (1891–1956),
возглавлявший экспедицию; «первый» – П. П. Шмидт (1867–1906) – знаменитый
революционер.

«Двух станов не боец, а если гость случайный...» Измененная начальная строка
стихотворения А. К. Толстого «Двух станов не боец, а только гость случайный...»
Честнее с головой Орфеевой... – См. комментарий к стихотворению «Как сонный, как
пьяный...» – Иродида-да с Иоанна головой! – Согласно Библии, Иродида – жена царя
Ирода, получившая в награду голову Иоанна Крестителя на блюде.

Читатели газет – Гуттенбергов пресс – печатный станок, изобретенный Гуттенбергом
в XV веке. Шварцев прах – порох, изобретенный Шварцем в XIV веке.

Деревья – Листовки – рекламные проспекты, раздаваемые на улицах Парижа. Мертвые
лисы – лисьи меха. Смертный рис – рисовая пудра, придававшая лицам смертельную
бледность. Был дуб... / – Святой Людовик... – Король Людовик IX Святой принимал
посетителей и творил правосудие под дубом в Венсенском лесу.

«Были огромные очи...» – Стихотворение посвящено памяти актрисы Софьи Голлидэй
(1894–1934), с которой Цветаева дружила до отъезда в эмиграцию и о которой была

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru написана «Повесть о Сонечке».

Стихи к Чехии – Проведя в Чехии три года, Цветаева навсегда полюбила эту страну. Она уже проживала во Франции, когда в сентябре 1938 г. от Чехии была отторгнута Судетская область. Еще через год, в марте 1939-го, Германия оккупировала Чехию. Цветаева разделила свой стихотворный цикл на две части – «Сентябрь» и «Март», где соответственно отражены эти потрясшие ее события.

Сентябрь

1. «Полон и просторен...» – Триста лет неволи / Двадцать лет свободы. – Чехия почти триста лет находилась в составе Австро-Венгерской империи и ровно двадцать лет до событий 1938 г. просуществовала независимым государством. Влтава – река в Праге. Лев двухвостый – изображен на гербе Чехии.

2. «Горы турам поприще...» – Ав лесу – ружья... /...ни одного. – Охота в лесах Чехии была запре – цена.

4. Один офицер – Стихотворение повествует об эпизоде оккупации Судетской области германскими войсками.

Март

1. (Колыбельная) – Тюрингия – земля в Германии, захваченная гуннами в V веке.

2. Пепелище – Град Вацлава – Прага (патроном которой считается Вацлав Святой). Богемская грань. –

Имеется в виду мастерство обработки стекла и хрусталя, которым славится Чехия.

3. Барабан – Где мой дом? – слова из чешского гимна. Градчанский замок – пражский Кремль. В ледяном окне... / Гунн!.. – Цветаева подразумевает фотографию Гитлера, глядящего на Прагу из окна Градчанского замка.

4. Германии – Хрустальное подземие. – Имеется в виду добыча горного хрусталя. Наздар! – чешское приветствие.

5. Март – Каждый март: / С краем, с паем новым! – И Чехию со Словакией, и Австрию Германия захватывала в марте месяце (в 1939 и 1938 гг. соответственно). Валеты – здесь: прислужники. Тарпейская скала – скала, с которой в Древнем Риме сбрасывали осужденных на смерть. Мартовские Иды – день, когда был убит Юлий Цезарь (15 марта 44 г. до н. э.).

6. Взяли... – Вары – чешский город Карловы Вары. Татры – чешские горы.

8. «О, слезы на глазах!..» – Испания в крови... – Имеется в виду гражданская война в Испании 30-х гг. Творцу вернуть билет. – Имеются в виду слова Ивана Карамазова из романа Достоевского «Братья Карамазовы»: «Не Бога я не принимаю... я только билет ему... возвращаю» (Часть 2, кн. 5, глава «Бунт»).

Douce France – Мария Стюарт (1542–1587) – шотландская королева. После возвращения на родину окончила жизнь на эшафоте.

19 июня 1939 года М. И. Цветаева с сыном Георгием приехали в Москву. Два с небольшим года жизни на родине, до смертного часа, переполнены трагическими обстоятельствами и жутким неустройством. Подготовленная поэтом в 1940 книга избранных стихов света не уви-дела. Лишь одно давнее стихотворение «Вчера еще в глаза глядел...» было напечатано под названием «Старинная песня» в журнале «30 дней» (1941, № 3).

В эти годы Цветаева занималась, главным образом, переводами. Сначала – классических стихотворений Лермонтова на французский язык (для журнала «Ревю де Моску» и «для себя»). Она перевела с немецкого из Гёте и народные песни; с английского народные баллады о Робин Гуде; с французского из Бодлера (несравненный по мощи и красоте перевод «Плаванья») и народные песни; с испанского – стихотворения Лорки; именитых поэтов Украины, Болгарии, Польши, Словакии, Грузии, мастеров советской еврейской поэзии. В этих работах, большей частью «заказных», Цветаева оставалась высоким поэтом и редким мастером («Я

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru перевожу по слуху – и по духу (вещи). Это больше, чем «смысл»).

В эту пору Цветаевой написано лишь несколько оригинальных стихотворений. Опубликованы они через много лет после кончины поэта.

«Двух жарче меха! рук жарче пуха!..» Обращено к литературоведу Е. Б. Тагеру (1906–1984). Фома – по Библии, апостол Фома, услышав о воскресении Христа, усомнился в этом, за что и получил прозвище Неверующий.

«Всем покадили и потрафили...» Обращено к Е. Б. Тагеру в связи с тем, что по его просьбе Цветаева писала автобиографию для «Литературной энциклопедии» (издание не состоялось).

«Все повторяю первый стих...» – Обращено к А. А. Тарковскому (1907–1989), с которым Цветаева по – знакомилась в 1940 году. Написано в ответ на его стихотворение «Стол накрыт на шестерых».

Даты жизни и творчества М. И. Цветаевой

1892–1910 Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве 26 сентября (8.X) 1892 года. Отец – Иван Владимирович Цветаев (1847–1913) – профессор Московского университета, основатель Музея изящных искусств (ныне – Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Мать – Мария Александровна, урожденная Мейн (1869–1906), из обрусевшей польско-немецкой семьи.

В 1894 родилась сестра Анастасия (ум. в 1993). Кроме Анастасии, у М. Цветаевой были старшие сестра и брат, дети отца от первой жены. Семья жила в Трехпрудном пер., д. № 8 (не сохранился).

Летние месяцы, до 1902, проходили в Тарусе. Из-за тяжелой болезни матери семья подолгу находилась за границей: в Италии, Германии, Швейцарии. В 1905 – в Крыму. Цветаева училась в нескольких московских гимназиях.

Писать стихи, по собственному признанию, начала с шести лет.

В октябре 1910 в Москве вышла ее первая книга стихов «Вечерний альбом».

Встречается с В. Я. Брюсовым, Элли-сом, В. О. Нилендером, М. А. Волошиным, А. Н. Толстым. 1911–1914 в марте 1911 не стала держать экзамены в восьмой класс и прекратила занятия в частной гимназии М. Г. Брюхоненко.

В мае, в Коктебеле у Волошина, познакомилась со своим будущим мужем Сергеем Яковлевичем Эфроном (1893–1941).

Венчание состоялось 27 января 1912.

В феврале вышла вторая книга стихов Марины Цветаевой «Волшебный фонарь». В конце месяца новобрачные отправились в свадебное путешествие: Италия, Франция, Германия. 5 (18) сентября у М. И. Цветаевой и С. Я. Эфрона родилась дочь Ариадна (ум. в 1975).

В феврале 1913 выходит третий сборник М. Цветаевой «Из двух книг». В августе–сентябре и ноябре–декабре Цветаева с семьей живет в Коктебеле (в доме М. А. Волошина), в Ялте и Феодосии. В марте–апреле 1914 переписывается с В. В. Розановым. Осенью переезжает с семьей в дом № 8 в Борисоглебском переулке. В конце года – встреча с поэтессой С. Я. Парнок. Начинает выступать на литературных вечерах. 1915–1917 Ранней весной С. Эфрон уезжает на фронт с санитарным поездом. Весну и лето Цветаева вместе с С. Парнок проводит в Малороссии и Коктебеле. Там знакомится с О. Э. Мандельштамом.

1916 год Цветаева встретила в Петрограде. Знакомство с М. А. Кузминым. Начинается активное сотрудничество с петроградским журналом «Северные записки».

В январе–феврале встречается с приехавшим в Москву О. Мандельштамом. Весной знакомится с поэтом Тихоном Чури-линым. Летом живет в г. Александрове Владимирской губернии.

13 апреля 1917 г. у Цветаевой родилась дочь Ирина. Сентябрь–октябрь Цветаева провела в Феодосии. В ноябре вернулась в Москву. Знакомится с поэтом П. Г.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Антокольским. 1918–1922 в январе в Москве появился (тайно) на несколько дней С. Эфрон и уехал в Ростов, чтобы присоединиться к Добровольческой армии.

Цветаева сближается с актерами театральной студии Е. Б. Вахтангова. Знакомство с С. Е. Голлидэй. В ноябре служит в Наркомнаце. Написаны многие стихотворения, составившие книгу «Лебединый стан», пьесы «Червонный Валет», «Метель».

В апреле–октябре 1919 служит регистратором в советском учреждении. На протяжении года написано много стихотворений и пьесы «Приключение», «Фортуна», «Каменный ангел», «Феникс».

В феврале 1920 в детском приюте умерла дочь Ирина.

В мае М. Цветаева впервые увидела А. Блока на его выступлении в Политехническом музее. В декабре, там же, выступала на вечере поэтов. Написано много стихотворений и поэма–сказка «Царь–Девница».

Зимой 1921 г. работает над поэмами «На Красном Конне» и «Егорушка». Знакомится с князем С. М. Волконским. В июле узнает, что муж жив, находится в Константинополе, и собирается перебраться в Чехию.

Тяжело переживает смерть Блока и гибель Гумилева. В 1921 написано много стихотворений, созданы знаменитые лирические циклы. После долгого перерыва издана небольшая книга стихов «Версты» (издательство «Костры»). В первой половине 1922 написана поэма «Переулочки».

11 мая 1922 после получения необходимых документов Марина Цветаева с дочерью выехали в Берлин.

15 мая 1922 года М. И. Цветаева и Ариадна Эфрон приехали в Берлин. Встреча с мужем. Дружба с Андреем Белым. В июле написан очерк «Световой ливень» (о поэзии Б. Пастернака).

31 июля семья выехала из Берлина в Чехию. 5 августа приехали в Прагу. Чешский период жизни Цветаевой проходит в пригородных деревнях.

В ноябре пишет большое письмо Пастернаку – начало их неистовой переписки и дружбы. Начинает печататься в эмигрантских журналах, альманахах, газетах. Создано много лирических стихотворений.

За 1922 год в Москве и Берлине вышли книги Цветаевой – «Разлука», «Стихи к Блоку», «Конец Казановы», «Версты. Выпуск I», двумя изданиями «Царь–Девница». Завершена работа над поэмой–сказкой «Молодец».

1923–1928 в январе написан очерк «Кедр» о книге С. Волконского «Родина».

Весной – знакомство и начало романа с К. Б. Родзевичем.

Пишется много лирических стихотворений. Вышли стихотворные книги «Ремесло» и «Психея». В январе–июне 1924 написаны «Поэма Горы» и «Поэма Конца». В октябре закончена первая часть трилогии «Гнев Афродиты» – «Ариадна» (первоначально – «Тезей»).

1 февраля 1925 года у М. Цветаевой родился сын Георгий (Мур) – погиб на фронте в 1944 г. В ноябре семья Цветаевой из Чехии переезжает во Францию. Живут из-за бедности в пригородах Парижа: Бель-вю, Ванве, Кламар, Медон.

Написаны многочисленные стихотворения, поэма «Крысолов», очерк о Валерии Брюсове «Герой труда». Отдельным изданием вышла в Праге поэма «Молодец».

В феврале 1926 в Париже с большим успехом прошел литературный вечер М. Цветаевой. В феврале–марте написаны статьи «Поэт о критике» и «Цветник» – резкая полемика с поэтом и критиком Г. В. Адамовичем. В марте совершила поездку в Лондон. Переписывается с Р. М. Рильке. Написаны поэмы «С моря», «Попытка комнаты», «Поэма Лестницы». Выступает на литературных собраниях и вечерах.

В феврале 1927 написаны произведения «Новогоднее» и «Твоя смерть», посвященные памяти Р. М. Рильке (умер 29 декабря 1926). В мае подготовлена к печати книга

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru стихов «После России». Работает над трагедией «Федра». Написана «Поэма Воздуха».

В сентябре в Медоне Цветаеву навестила ее сестра Анастасия.

Зимой 1928 вышла последняя прижизненная книга стихов Цветаевой «После России». Книга вызвала много разноречивых критических откликов. В августе начинает работу над поэмой «Перекоп». Дружба с молодым поэтом Н. П. Тройским.

7 ноября встретила с Маяковским на вечере поэта в кафе «Вольтер». Напечатанное в ноябре в газете «Евразия» дружеское обращение Цветаевой к Маяковскому породило обвинения в эмигрантских кругах в ее «просоветскости» и весьма осложнило ее общественно-литературную деятельность.

1929–1939 в октябре 1929 Цветаева посетила Брюссель, где выступала с литературными чтениями. Началась работа над «Поэмой о Царской семье». Написан очерк о художнице Н. С. Гончаровой. Выступает на литературных собраниях и вечерах.

8 августа 1930 написан стихотворный цикл памяти Маяковского.

В июне 1931 С. Я. Эфрон, воззрения которого становятся все более «советскими», что привело к связям с НКВД, подает прошение о советском гражданстве.

Цветаева работает над циклом «Стихи к Пушкину».

Написан очерк об О. Мандельштаме «История одного посвящения».

В 1932 созданы стихотворные сочинения, статьи «Поэт и время», «Искусство при свете совести», «Эпос и лирика современной России», мемуарный очерк о Волошине «Живое о живом».

В 1933–35 годах наряду со стихами, статьями, очерком «Пленный дух» (об Андрее Белом) Цветаевой написана большая часть ее автобиографической прозы.

24 июня 1935 она встретила в Париже с Б. Пастернаком. Цветаева назвала эту встречу – «невстречей».

В мае 1936 совершает поездку в Брюссель. За год написаны отдельные стихотворения, очерк о М. Кузmine «Нездешний вечер», очерки на французском «Отец и его музей». Переводит на французский язык стихотворения А. С. Пушкина.

В январе 1937 завершен очерк «Мой Пушкин». Подготовлены к печати «Стихи к Пушкину». Работает над очерком «Пушкин и Пугачев» и «Повестью о Сонечке». Выступает в различных собраниях, связанных с Пушкинскими торжествами в Париже.

15 марта дочь Цветаевой Ариадна выехала на родину.

13 сентября арестована в Москве Анастасия Цветаева (М. И. узнает об этом после возвращения в Россию).

10 октября С. Эфрон, работавший на советскую разведку и замешанный в политическом убийстве, тайно бежал из Франции в СССР. Все это чрезвычайно омрачило и осложнило жизнь поэта.

С осени 1938 по весну 1939 Цветаевой написан цикл «Стихи к Чехии», вызванный оккупацией фашистами этой, любимой поэтом, страны.

12 июня Цветаева с сыном, мечтавшим о «социалистической родине», выехала из Франции.

19 июня М. И. Цветаева и ее сын Георгий приехали в Москву и в тот же день поселились в подмосковном поселке Болшево, где жили муж и дочь. Летом Цветаева переводит на французский язык, по заказу и «для себя», стихотворения Лермонтова.

27 августа арестована Ариадна Эфрон, а 10 октября С. Я. Эфрон.

В ноябре Цветаева с сыном покидают Болшево. 1940–1941 зиму и весну 1940 г. М. Цветаева и ее сын прожили (сняли комнату в избе) в подмосковном Голицине.

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Затем ютились по разным московским адресам.

М. Цветаева работает над многочисленными стихотворными переводами. Написано несколько лирических стихотворений.

В октябре подготовила к изданию книгу стихотворений (не вышла). Круг общения невероятно узок. Встречается с поэтами А. Е. Крученых и А. А. Тарковским.

Письменно обращается к Сталину, Берия, в ЦК с просьбами разобраться в «делах» мужа и дочери, помочь «в отчаянном положении» (слова Цветаевой).

7 и 8 июня 1941 встречается с А. А. Ахматовой.

8 августа вместе с группой писателей Цветаева и Георгий Эфрон эвакуировались на пароходе из Москвы. Провожали их Б. Пастернак и молодой поэт В. Боков.

18 августа прибыли в Елабугу. Сняли часть горницы за занавеской в избе на ул. Ворошилова. На несколько дней Цветаева выезжала в Чистополь, чтобы получить какую-нибудь работу. Сохранилась ее записка от 26 августа, где она просит принять «на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда».

31 августа 1941 года, когда в доме никого не было, Марина Ивановна Цветаева покончила с собой.

Похороны состоялись 2 сентября на местном кладбище. Могила неизвестна.

Сноски

1

Родина Гнел. Л.

2

Тайный советник Гете (нем.).

3

Господу – мою душу,
Тело мое – королю,
Сердце – прекрасным дамам,
Честь – себе самому (фр.).

4

NB! Если бы дровосеку! (Примеч. М. Цветаевой)

5

Правила хорошего тона, осанка (фр.).

Вы не вышли к черни с хлебом-солью,
И скрестились – от дворянской скуки! –
В черном царстве трудовых мозолей –
Ваши восхитительные руки.

6

В Москве тогда думали, что Царь расстрелян на каком-то уральском полустанке (примеч. М. Цветаевой).

7

Немножко, чуточку (нем.).

8

Дансеры в дансингах (примеч. М. Цветаевой).

9

Нежная Франция (фр.)

Вчера еще в глаза глядел. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

10 Прощай, Франция! Мария Стюарт (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!